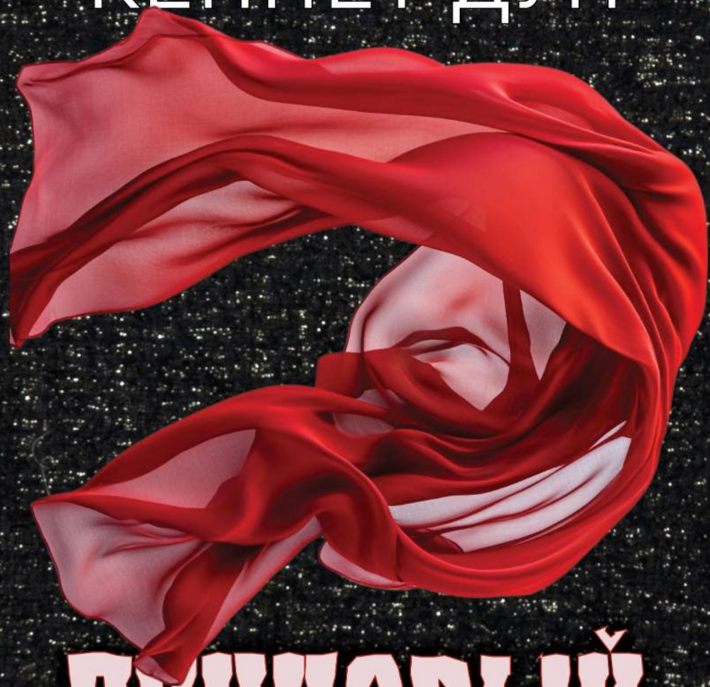

КЕННЕТ ДУН

ПУНЦОВЫЙ
ШЕЛК

Кеннет Дун Пунцовый шелк

<https://litres.ru/74042309>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лидия Сойер, пятидесятилетняя вдова, пытается прийти в себя после скоропостижной смерти любимого мужа, случившей год назад, и решает на время вернуться в тихий пригород на озере Онтарио, где прошло ее счастливое детство. Она собирается арендовать уютный коттедж на зимний сезон, но с удивлением узнает среди предложений от агентства тот самый дом своего детства. Не раздумывая, Лидия соглашается.

Лидия поселяется в своем старом доме и ведет спокойную жизнь: ухаживает за садом, гуляет по лесу, знакомится с новыми соседями, встречает школьных друзей и даже родственников.

Пока однажды по соседству не умирает одна старушка. Все указывает на смерть от естественных причин, однако ее лучшая подруга, живущая через дорогу, убеждена, что все не так просто.

Третий роман о Лидии Сойер – обычной женщине без особых талантов, которая в попытке убежать от свалившегося на нее горя сталкивается с глубинами человеческой мерзости, прячущейся под личиной добропорядочности американских пригородов.

Содержание

1 января 1934 года	4
Глава 1	10
4 января 1934 года	20
Глава 2	22
10 января 1934 года	34
Глава 3	37
17 января 1934 года	46
Глава 4	49
20 января 1934 года	60
Глава 5	64
2 февраля 1934 года	71
Глава 6	73
11 февраля 1934 года	81
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кеннет Дун

Пунцовый шелк

1 января 1934 года

Дорогой Гленн,

Вот и наступил Новый год. Встретила я его у Гаскеллов. Непросто об этом писать, но это тяжелый для меня год. Стоит мне только подумать о том, что уже прошло двадцать лет с той Войны, которая забрала тебя у меня, как на глаза наворачиваются слезы. Невозможно представить, что целых двадцать лет, а мне по-прежнему кажется, что это было только вчера: мы с тобой сидим в большом дедушкином кресле у камина, смеемся, строим планы, ты заправляешь локон мне за ухо... И самое ужасное, что я никому не могу об этом рассказать, только тебе, дорогой Гленн, хотя тебя уже так долго нет на этом свете. Только бумаге.

Люблю ли я тебя по-прежнему? Не знаю. Как можно любить того, кто остался только в памяти, в воображении. Иногда мне кажется, что пора уже отпустить тебя, но чаще я думаю, зачем это делать, если все равно никого ближе тебя у меня на свете нет. Только ты понимал меня даже в молчании, как и я тебя. И почему-то я всегда была уверена, что нам не суждено быть вместе. Я часто вспоминаю

тот роковой год, когда в Европе началась Война. Поначалу она казалась такой далекой, не имеющей никакого отношения к нашей жизни и к нашим совместным планам. Когда ты попросил перенести свадьбу, я что-то увидела в твоих глазах... какую-то тень... как будто ты был уже не здесь, не со мной в Айлсборо, а мысленно устремился в неведомые земли за океан. И я поняла, что не смогу тебя удержать, мой дорогой. Тебе никогда не надо было мне ничего объяснять. Я до сих пор иногда просыпаюсь с чувством невероятного отчаяния, что у меня не хватило решимости удержать тебя, но в таком случае – а я это знаю – ты бы меня никогда не простил.

Я знаю, что ты любил меня, что очень тосковал, я с трепетом храню и перечитываю все твои письма. Но еще я знаю, что ты оказался именно там, где и должен был быть, а что ты в итоге так и не вернулся, значит, так было пред-
решено.

Но что-то я расчувствовалась. Еще вчера вечером хотела тебе написать, как встретила Новый год, но была слишком уставшей, поэтому пишу только сейчас. Хотя у нас в Айлсборо мало что меняется, каждый следующий год похож на предыдущий. Иногда, когда я работаю в саду или сижу с вышиванием на веранде и вижу, как по лужайке движется солнечная тень, то буквально ощущаю, как сквозь меня проходит время.

Сад сейчас выглядит отвратительно. Как я писала ра-

нее, у нас исключительно теплая и влажная зима в этом году. Не было белого Рождества, и на Новый год не выпало ни снежинки, только отвратительная морось. Отвратительно – наверное это самое подходящее слово для того, чтобы описать все, что со мной происходит в последние месяцы. Например, самочувствие моей матушки. Ей все никак не становится лучше, несмотря на все лекарства. Хотя на улице тепло, в доме очень сыро, и мне постоянно приходится топить камин, так что я начинаю опасаться, что угля и дров нам не хватит на всю зиму. И еще у мамы болит спина, болит так сильно, что иногда она кричит, когда поворачивается в кресле, и мне приходится по часу стоять и тереть больное место. Жаль, что мы не можем позволить себе пригласить постоянную служанку, только поденную уборщицу. Да и та все делает отвратительно. Вот я опять это написала. Миссис Ламонт, предыдущая уборщица, хотя бы драила плитку и пол на кухне, отмывала до блеска ванну, но она больше не работает, потому что ее дочь выходит замуж за владельца пилорамы Колина Прескотта. Ты его не помнишь, потому что он приехал уже после Войны, впрочем, ты и так не стал бы общаться с подобным персонажем. А новая уборщица миссис Грегсон вообще считает, что если она один раз пройдет тряпкой по серванту, то она уже убралась. Но пыль смахивать я могу и сама.

Прости, дорогой, я отвлеклась. Ты знаешь, как у меня путаются мысли, даже когда я их излагаю на бумаге.

На Новый год нас по традиции пригласили к Гаскеллам. Все как всегда, только старые друзья: сестры Норберт с мужьями, брат и сестра Макманусы, преподобный Симмс, доктор Оливер, еще должны были прийти Тремблтоны, но они почему-то не смогли. Я тоже едва не отменила визит. Матушке очень сильно нездоровилось, она наотрез отказалась выходить из дома, хотя Стюарт Гаскелл сказал, что сам приедет за ней на своем автомобиле или пришлет сына, но матушка уперлась и ни в какую. Ты же знаешь, какой она может быть упрямой. А после ужина она стала ворчать, что не хочет оставаться одна в доме, поскольку мало ли что с ней может случиться, пока я буду веселиться. Хорошо, что в микстуре, которую ей прописал доктор Оливер, содержится немного успокоительного. Конечно, обращаться с ней надо очень осторожно, чтобы не встряхнуть осадок, доктор мне все показал, как правильно наливать в ложку из бутылки. Зато всего через час после ужина мама уже спала сном праведницы.

Мне было немного боязно оставлять ее так, но я все равно собралась с силами, надела бархатное платье, уложила волосы, даже нанесла немного румян. Мне кажется, ты бы одобрил мой поступок. Не бог весть какая смелость – пойти к соседям праздновать Новый год. Наверное, если бы я не явилась, никто бы даже и не заметил, ведь все знают о мамином здоровье.

Пришлось надеть плащ и боты и даже взять зонт, по-

тому что ближе к ночи пошел настоящий дождь. Как оказалось, дети даже не пришли на вечеринку, не было ни Лидии, ни Дерекса. Хотя какие они дети? Дерексу девятнадцать лет, Норма Гаскелл сказала, что на следующий год он собирается отправиться учиться в Оксфорд, в Англию. А Лидия поступила в какой-то женский колледж и теперь приехала домой на каникулы. Я разговаривала с матерью Лидии, она все еще не теряет надежды, что Лидия и Дерек все-таки пожениются, когда Дерек закончит учебу, а дочь «перебесится». Именно так она и сказала. Я плохо знаю Лидию и Дерекса, но помню себя в их возрасте. И помню тебя, дорогой Гленн. Я сказала, что если кто-то принял решение уехать, то его ничем не удержишь. А Элли, сестра Анны, фыркнула и возразила, что тогда было другое время, сейчас в Европе абсолютно безопасно.

Анна тоже пришла одна без мужа, я спросила у нее, где Иен, а она только прикрыла глаза и печально улыбнулась, так что я поняла, что бедный Иен наверное опять напился, не дожидаясь вечеринки. Мне стало стыдно перед Анной, что я допустила бестактность.

Потом Гаскеллы стали разливать напитки, но я отказалась, потому что не очень хорошо переношу алкоголь, ты же знаешь. Только бокал шампанского в полночь, и я уже почувствовала, что мне лучше присесть. Доктор Оливер вскоре тоже стал собираться и отвез меня домой.

Мне удалось проскользнуть тихо-тихо, чтобы не разбу-

дочь матушки, так что я быстро освободилась из платья, вознесла молитву Господу и заснула, глядя в твои глаза на том портрете, что ты подарил мне на прощание. Я знаю, что ты смотришь на меня с Небес, и однажды мы встретимся Там.

Глава 1

В среду 28 сентября 1964 года Лидия Сойер после тридцати лет отсутствия вернулась в дом своего детства.

Дом находился в Айлборо, пригороде Рочестера на севере штата Нью-Йорк на берегу живописного залива озера Онтарио. Несмотря на все опасения, оказалось, что ни городок, ни сам дом практически не изменились. Было заметно, что за особняком хорошо следили, меняли оконные переплеты, подкрашивали фасад, латали крышу. Да и мебель возможно была другая, но очень похожая на ту, что Лидия помнила с детства – в солидном викторианском стиле. Массивные деревянные стулья с прямой спинкой чередовались с пузатыми ситцевыми диванами, очевидно не раз перетянутыми заново, а оклеенные потускневшими обоями стены загораживали комоды, серванты и высокие напольные часы. Несколько мрачный фон слегка оживляли светильники от «Тиффани» и немного причудливых вещичек в стиле ар-деко. Почти ничего послевоенного в интерьере не было.

Лидия прошла по обеденному залу и гостиной, распахивая тяжелые гардины. Комнату залил мягкий осенний свет, хлынувший сквозь высокие окна, выходящие на еще зеленую лужайку, которую обступили уже успевшие покрыться буйными красками деревья. Клены, ясени, лиственницы, вяза – во всей красе, словно с палитры излишне жизнерадост-

ного художника. За деревьями угадывалось озеро. Точнее Лидия знала, что оно находится там за рощей, она даже помнила тропинку, по которой можно срезать путь до берега, и с трудом подавила желание немедленно переобуться в прочные удобные ботинки и побежать в том направлении.

Осень с раннего детства была для Лидии самым любимым временем года. Уже не жаркие, но солнечные дни, прозрачный воздух, весело шуршащая листва, треск костра из опавших сучьев и усохших веток, рыбалка с отцом с лодки или с мостков, пока на кухне кипят чаны со свежим сиропом или джемом... А за этими радостями все отчетливее маячит День Благодарения, а потом и Рождество, ель и омела, растопленный камин. И, если повезет, на несколько недель, а то и на пару месяцев выпадет достаточно снега, чтобы лепить снеговика, кататься на санках или на коньках по замерзшему пруду. Лидия даже улыбнулась, то ли от приятных воспоминаний, то ли от мысли, что все эти ощущения еще могут вернуться. Она никогда не понимала, как люди могут жизнь без смены сезонов в климате, где круглый год почти один и тот же пейзаж, только идет дождь или светит солнце.

Вот ее младшая сестра Кейтлин как раз не выносила снега и холода. Хотя она и жила в основном в Нью-Йорке, но благодаря деньгам мужа постоянно путешествовала, причем по южным краям: Флорида, Багамы, Гавайи, Лазурный берег... Лидия вспомнила, как отреагировала сестра на новости о том, что она сняла дом в Рочестере, и настроение у нее

еще сильнее улучшилось.

«Наверное, я впервые за этот год что-то сделала правильно», – подумала Лидия.

Весь последний год Лидия Сойер привыкала к новому статусу вдовы. Хотя еще не весь год – первая годовщина смерти ее мужа Джорджа Сойера, с которым они прожили почти тридцать лет вместе, должна была наступить 17 октября, и Лидия даже занесла эту дату в настольный календарь, куда записывала текущие дела, хотя понятия не имела, что надо делать на эту самую годовщину.

Съездить к мужу на кладбище? Но Лидии никогда не нравилось театрально скорбеть у безмолвного надгробия, а люди, которые разговаривали с холодными камнями, прикидываясь, будто общаются с живыми людьми, вызывали у нее недоумение. К тому же Джордж был похоронен на кладбище Нового Ханаана в штате Коннектикут, а тащиться в такую даль ради бессмысленного ритуала Лидия точно не собиралась.

Можно было бы организовать семейный обед, пригласить их с Джорджем взрослых сыновей. Но Лидии не хотелось возиться с готовкой, да и мальчишки, насколько она знала, очень заняты: старший, Пол, трудится младшим брокером на Уолл-Стрит, а Брендан скоро заканчивает интернатуру в Балтиморе и мечтает о том, чтобы получить статус резидента.

Никто – даже Кейтлин – не потащится к Лидии в Рочестер. И это очень хорошо.

Просто прекрасно. Когда Джордж Соьер неожиданно умер от инфаркта, упав прямо на железнодорожной платформе по дороге на работу, вскрылись некоторые неприятные «мелочи», которые он скрывал от своей жены. Например, просроченную страховку и то, что дела в его фирме последнее время шли не блестяще. Лидия в то время работала в «Нью-Ханаан Газетт» заместителем главного редактора – должность скорее была почетная, а зарплата символическая, но все равно для нее стало болезненным ударом, когда владельцы газеты довольно бесцеремонно от нее избавились, прикрываясь тем, что женщине нужно время для траура по покойному мужу. В итоге Лидия решила не просить никого о помощи, а сжать зубы и разобраться с проблемами самостоятельно. Она продала долю Джорджа его партнером за ту цену, которую они предложили, выставила на продажу дом в Коннектикуте, отдала долг банку, а на оставшиеся деньги купила старый дом в Дулуте, штат Миннесота – подальше от воспоминаний, подальше от лицемерных соседей, подальше от излишне заботливой сестры.

И это решение едва не привело Лидию к катастрофе – к финансовой, а то и хуже, потому что женщина почти потеряла свои последние деньги, к тому же подозревалась в убийстве. К счастью, для нее все закончилось неплохо, и теперь по совету консультанта, присланного зятем, она поме-

стила капитал в стабильные облигации. К тому же пообещала не предпринимать никаких крупных денежных операций, не посоветовавшись вначале с мистером Симпсоном, этим самым финансовым консультантом.

Однако из всей этой истории Лидия вынесла единственное твердое заключение – хватит с нее Миннесоты. Может, в Дулуте и живут прекрасные отзывчивые люди, некоторые из которых стали ее друзьями, но Лидия никак не могла представить, чем будет заниматься в этом краю короткими зимними днями и суровыми снежными ночами, не имея никакой цели в жизни или даже хобби.

Что же ей делать – отправиться посмотреть мир? Интересно, куда, если сейчас повсюду то революции, то военные конфликты, то какие-то волнения. Да и в любом случае, ей не на кого оставить Поршу, персидскую дымчатую кошку.

Решение, посетившее Лидию однажды вечером, вызревало все лето – она вернется в Рочестер. Конечно, на этот раз не будет покупать никакую недвижимость, просто арендует коттедж с октября по май, а затем подумает, что делать дальше. Она написала в маклерскую контору Айлсборо, тихого и уважаемого пригорода Рочестера, заявив, что ее интересует аренда дома именно в этом районе. Знакомый экономический журналист из «Чикаго Трибьюн» навел для Лидии справки и сообщил, что сам Рочестер значительно изменился со времен ее детства – в городе строились заводы по производству бытовой техники и электроники, создавались

рабочие места, население увеличивалось, на месте лесных массивов возникали новые жилые кварталы. Но Айлсборо, отделенный от метрополиса живописным заливом, который обеспечил ему изолированное, почти «островное»¹ местоположение, по-прежнему оставался сонным приютом викторианских домов с деревянными балконами и эркерами, скрытыми за кустами жасмина, тенистыми аллеями и ровно подстриженными живыми изгородями.

Пригород пользовался большим спросом в летний сезон, поэтому местный маклер, мистер Данби, ожидаемо обрадовался, узнав, что клиентка желает поселиться там в самые «мертвые» месяцы. Он тут же выслал Лидии по почте все предложения об аренде, естественно, после провала с Миннесотой она больше не собиралась полагаться на одни только каталожные фотографии и описания, а планировала самой совершить путешествие на самолете, благо недалеко от Рочестера располагался местный аэропорт, поехать по округе, осмотреться... Планировала – пока не увидела среди объявлений фотографию старого семейного дома на Тара-лейн. На всякий случай она проверила адрес. Все совпадало. И особенно выглядел практически таким же, каким его запомнила Лидия.

В этом доме прошло все ее детство вплоть до отъезда в

¹ Название переводится как «островной округ».

колледж, и спустя тридцать лет Лидия по прежнему пребывала в убеждении, что это детство было счастливым.

Насколько она помнила, ее семья никогда не была богатой, но в Рочестере, а особенно в Айлсборо богатством было кичиться не принято. Большой дом на Тара-лейн достался им в наследство от родителей матери, а те, кажется, унаследовали его еще от своих родителей. Как и положено старым особняками, в нем все время что-то ломалось, отваливалось и рассыхалось, но ее отец с энтузиазмом сам занимался ремонтом, в чем Лидия ему охотно помогала. Также они работали вместе в мастерской, восстанавливали мебель и сами строили лодку, на которой летом плавали по озеру. Все эти занятия глубоко не одобряла мать Лидии, а также две ее тетки – одна, незамужняя, продолжала жить с ними в доме, она скончалась незадолго до того, как Лидия поступила в колледж, а вторая вышла замуж, но все равно находила время постоянно торчать у них дома, чтобы поучать племянниц. И все три женщины с неослабевающим энтузиазмом шпыняли отца Лидии, тихого нескладного человека, который, кроме столярных работ имел только одну страсть – он увлекался математикой. Когда-то он даже изучал математику в университете, но почему-то не продолжил научную карьеру, хотя постоянно выписывал журналы, вел переписку с другими учеными и даже сам опубликовал несколько статей. К большому своему сожалению отец так и не смог заинтересовать одну из дочерей точными науками, но он решительно под-

держал Лидию, когда она заявила, что хочет продолжить образование и стать журналисткой, и даже где-то нашел денег на оплату обучения.

Лидия не была идеалисткой и достигнув подросткового возраста, догадалась, что у отца была еще и третья страсть – к бутылке. Причем с годами он выпивал все больше. Она знала, что одна бутылка постоянно припрятана у него в кабинете, а еще одна – в мастерской, и уединяется он там не столько для того, чтобы поработать на верстаке или поразмышлять над очередной теоремой, сколько для того, чтобы прильнуть к источнику бодрости. И что с того, думала тогда Лидия. Любой бы спился на его месте, когда мать постоянно ноет, что она достойна лучшей жизни, а тетки ее подзуживают и настаивают, чтобы зять «пристроился к какому-нибудь делу». К тому же отец Лидии не был буйным алкоголиком. И не терял человеческий облик. Даже после отмены Сухого закона он мог пропустить всего несколько рюмок в баре с друзьями, потом твердым шагом дойти до дома и запереться в кабинете, откуда выходил наутро тихим, немного опухшим и очень смущенным.

Шестнадцатого марта 1934 года отца Лидии насмерть сбила машина, когда он возвращался вечером из бара «Сигнальщик». Свидетели показали, что он выпил больше обычного, но все еще твердо стоял на ногах и поэтому ни у кого не возникло сомнений, что он сам доберется до дома. Хотя было еще сравнительно рано, около восьми вечера, над озером уже

сгустились сумерки, а участок Хэйзел-роуд, которая, изгибаясь, вела к шоссе номер 30, которое спустя год стало частью 104-й трассы, в этом месте был слабо освещен. К тому же еще с обеда зарядил дождь, который продолжался до самой полуночи. Видимо, все эти факторы и привели к трагическому происшествию. Отец Лидии был нетрезв и случайно вышел на середину дороги, старый рыбацкий плащ с капюшоном загораживал ему обзор, так что он просто не заметил машину, гнавшую в сторону шоссе. Злополучного водителя-лихача так и не нашли. Полицейские опросили владельцев окрестных заправок и гаражей, не заметили ли они подозрительную машину со следами вмятин, но никто ничего подобного не видел. В конце концов следователи решили, что автомобиль был в этих краях проездом и давно покинул штат, а дождь смыл следы крови. Человек мог даже не остановиться, решив, что он сбил животное.

Для Лидии смерть отца стала горем, которое ей было не с кем разделить. Когда она спешно вернулась в Айлсборо из колледжа, то обнаружила полный дом незнакомых ей людей, занятых тем, что утешали ее мать. Та отказывалась покидать спальню, целыми днями глотала успокоительные, причитала, что не хотела отпускать мужа в «Сигнальщик» в тот злополучный день. Говорила, что не знает, как жить дальше, что же будет теперь с ней и маленькой Кейтлин. О Лидии даже никто и не вспомнил.

Девушка вернулась в колледж, а менее чем через год узна-

ла, что мать благополучно продала семейный дом и участок и переехала с младшей дочерью в Нью-Йорк в «миленькую квартиру в Верхнем Вестсайте, которую ей любезно предоставил один из настоящих старых друзей». И хотя теперь они жили в одном городе, общаться им было практически не о чем.

А спустя несколько месяцев Лидия познакомилась с Джорджем Сойером, и ее жизнь приобрела совсем другой вектор.

4 января 1934 года

Дорогой Гленн,

Я не писала несколько дней, потому что не было ни сил, ни времени. Матушке стало гораздо хуже. Вначале я подумала, что она как-то узнала о том, что я все-таки ходила на новогоднюю вечеринку и оставила ее одну, и теперь меня наказывает.

Она уверяет, что я плохо прикрыла окно в ее спальне, и сквозняк так сильно продул ей спину, что она совсем не может шевелиться, даже встать с кровати. Я снова пригласила доктора Оливера, он прописал компрессы и сказал увеличить дозу микстуры. Моя подруга Элли Норберт (теперь она по мужу Стокли) считает, что мама симулирует, чтобы привлечь мое внимание. Элли всегда все знает лучше всех, ты же помнишь ее. Замужество придало ей еще больше самодовольства, хотя бедняга Нэд Стокли такого явно не заслуживает. Грешно такое говорить, что я рада, что у них нет детей. Представляю, каково было бы бедным малюткам. Элли вовсе не выглядит из-за этого несчастной, она постоянно твердит, что отдает все силы Господу, супругу и дочерям своей младшей сестры.

Мысленно я опять обращаюсь к тебе, дорогой Гленн. Сейчас смешно вспоминать, но когда закончился мой траур, Нэд Стокли стал ухаживать за мной. Конечно, тогда я не

могла тебе об этом написать, мне даже невыносима была сама мысль, что другой мужчина может своей теплой рукой взять меня за руку, когда твои кости лежат в холодной земле, а душа пребывает в Ином мире.

Матушка была весьма недовольна, она не хотела, чтобы я носила траур дольше, чем требуют приличия. Маме не слишком нравился Нед, но она очень хотела выдать меня замуж. Наверное, так бы и случилось, будь Нэд чуть порешительнее. Но он так и не сумел приблизиться ко мне, и все слова, которые мы должны были произнести, повисли между нами в воздухе. Я была рада, когда его мучительные визиты в наш дом прекратились. А потом я узнала, что он сделал предложение Элис Норберт. Не знаю, как все между ними сложилось, но почему-то уверена, что это Элис первая запустила крючья в Нэда и не успокоилась, пока не подтянула его на них к алтарю. Бедный Нед. Что-то у меня сегодня настроение злословить.

Наверное это из-за того, что Элис сказала о моей матушке. Между тем я вижу, что у нее боли настоящие, даже слезы на глазах выступают, и в эти мгновения мне так ее жалко, что я совсем забываю, за что на нее злилась.

Глава 2

Наконец к концу сентября все формальности были улажены, и Лидия перебралась из Дулута в Рочестер. Владелец агентства недвижимости, мистер Данби, принял ее в своей конторе с подготовленными документами, а потом сообщил, что они могут вначале осмотреть дом прежде, чем подписывать договор аренды. Он сказал, что может отвезти клиентку на своей машине.

– Не надо, – замялась Лидия. – Мне бы хотелось поехать туда... в одиночестве.

– Но как же так? – нахмурился Данби. – Я должен вам все показать. Кухню, спальни, котельную. Это довольно большой дом, я, честно говоря, удивлен, что вы выбрали именно его. Или ваша семья приедет позже?

– Нет... хотя... может, дети приедут на Рождество. Им это будет интересно. Видите ли, мне хорошо знаком этот дом. Наверное я сама могла бы вам провести по нему экскурсию, – усмехнулась Лидия. – Я в нем выросла.

– Вы в нем... что? Хм, хм, интересно. Подождите, – агент несколько секунд всматривался в лицо женщины. – Господи, неужели Лидия? Лидия Боннар?

– Да, это я. Только теперь я Сойер.

– Конечно. Сколько же лет прошло. Я Реджинальд. Реджи Данби.

Лидия сообразила, что агент приблизительно ее ровесник и всю жизнь провел в Рочестере. Вот только фамилия Данби даже в сочетании с именем Реджи ничего ей не говорила.

– Извините, – развела она руками.

– Ну, мы встречались несколько раз на городских танцах и на катке. Впрочем, неудивительно, что вы меня не помните, у нас были разные компании. Я вырос в северной части за Фуллем-драйв.

– Поселок прислуги, – брякнула Лидия, повинувшись внезапному воспоминанию, но тут же прикрыла рот рукой. – И снова простите. Так сложно возвращаться в родные места, где не была много лет. Все время попадаешь в неловкие ситуации.

– Понимаю. Хотя я никогда не уезжал из Рочестера. И поселка прислуги уже давно не существует. Там сейчас роскошные современные виллы.

По тону Данби Лидия поняла, что одной из них владеет он сам.

– Так что, мистер Данби, мне... не нужна экскурсия. Может, мы просто подпишем бумаги и вы дадите мне ключи?

– Конечно, – сухо ответил агент. – Если у вас будут какие-то вопросы, можете позвонить мне или моему помощнику.

Кажется, он решил, что Лидия снова отвергла его общество по классовым соображениям. Она поспешила исправить ситуацию.

– Вообще-то, мистер Данби, у меня есть один вопрос. Скажите, почему дом сдается?

– Вы помните семью, которая купила у вас особняк в 1935 году? – спросил Данби.

– Совсем не помню. Я, честно говоря, никогда не знала, кому мать продала дом. Я тогда училась в колледже, мама просто поставила меня перед фактом, что она не хочет больше жить в Рочестере. Поскольку дом принадлежал ей, моего мнения никто и не спрашивал.

– Ну... миссис Боннар действительно унаследовала эту недвижимость от своего отца, мистера Норберта. Других наследников не было, поскольку ее незамужняя сестра Агнес Норберт скончалась за год или два до смерти вашего отца. Когда закончился траур по мужу, ваша мать сразу выставила дом на продажу. Покупатель нашелся довольно быстро. Я помню эту сделку, потому что тогда только пришел в агентство Киллиагана и Льюиса. Начинал с мальчика на посылках, а в итоге купил все агентство, – ввернул Данби. – Так вот, покупателем стал Леопольд Блейк-Чесни. Вы его помните?

– Нет, – покачала головой Лидия.

– А ведь он был практически вашим соседом. Жил на Харвест-драйв.

– Это... в Иствуде?

– Совершенно верно.

– Но зачем ему покупать буквально соседний дом? – удивилась Лидия. – Там же на машине минут десять ехать, да и пешком можно минут за двадцать дойти, если срезать через лес.

– Место, место и еще раз место, – назидательно поднял палец Данби. – А если точнее, адрес. Тридцать лет назад Иствуд считался не слишком уважаемым районом, дома там ютились вокруг Харвест-драйв. А бизнес мистера Блейк-Чесни как раз шел в гору. Деньги у него водились, вот он и решил, что надо переселить семью поближе к озеру. Адрес на Тара-лейн и звучит приличнее, и дети будут расти хорошем окружении. Ваша мать очень постаралась, чтобы представить мистера Блейка-Чесни и его супругу всем соседям в лучшем свете, чтобы они... сразу влились в общество.

Лидия с трудом сдерживалась, чтобы не закатить глаза. Этим и отличалась жизнь в Айлсборо – всего пара миль, а ты уже сразу попадаешь в другую касту.

– А в Иствуде сейчас тоже шикарные современные виллы? – с вежливой улыбкой спросила она.

– Нет. Там... идет большое коммерческое строительство. Ведь Харвест-драйв напрямую выходит к 104-му шоссе. Значит, я говорил про мистера Блейка-Чесни. К сожалению, после войны его бизнес обанкротился. А спустя несколько лет миссис Блейк-Чесни скончалась после продолжительной болезни. Да и сам мистер Блейк-Чесни... хм, хм... в последние годы чувствовал себя неважно. Он покинул нас два года на-

зад на 75-м году жизни. Все его имущество получили дети Арабелла и Питер.

– Как вы сказали? Арабелла и Питер? – прыснула Лидия.

– Видимо, покойный Блейк-Чесни или его супруга в свое время увлекались романами Рафаэля Саббатини². Я не был достаточно близко знаком с покойными, чтобы обсуждать столь личную тему. Итак, Питеру Блейку-Чесни сейчас тридцать четыре года, а его старшей сестре Арабелле Блейк-Чесни тридцать семь лет. Она была уже замужем, но развелась и вернула девичью фамилию. От этого брака у нее есть сын, который в данный момент проживает вместе с отцом, – для человека, которые не обсуждают личные темы с клиентами, Данби был на удивление хорошо осведомлен. – Не могу сказать, что отношения между братом и сестрой очень дружные. В частности, они уже второй год не могут прийти к соглашению о судьбе дома. Мисс Арабелла ведет, скажем так, богемный образ жизни, поэтому настаивает на продаже. В то время как Питер имеет работу в Рочестере и до кончины отца проживал вместе с ним в одном доме. Он планировал жить там и дальше, однако сестра потребовала выплатить ей поло-

² Рафаэль Саббатини (1875-1950), английский и итальянский писатель, прославившийся благодаря приключенческим романам о вымышленном капитане пиратов Питере Бладе, действие которых происходит на Карибах в XVII веке. Первый роман «Одиссея капитана Блада» был издан в 1922 году. Позже Саббатини на волне популярности выпустил еще два романа «Хроники капитана Блада» и «Удача капитана Блада». Главную героиню произведений и возлюбленную капитана зовут Арабелла Бишоп.

вину стоимости недвижимости. Оба наследника... насколько я понимаю... испытывают финансовые трудности. Поэтому было пока что принято решение сдавать дом в аренду. В основном он пользовался спросом в летний сезон, а остальную часть года в нем проживал Питер Блейк-Чесни, что постоянно вызывало... ссоры между родственниками. Так что для них обоих это большая удача, что бы согласились снять дом сразу на девять месяцев до мая.

– А где сейчас будет жить Питер Блейк-Чесни? – насторожилась Лидия.

– Не беспокойтесь, он не будет вам докучать. Он арендует комнату над автомастерской, в которой работает. Между прочим, – тут Данби задумался и внимательно посмотрел на Лидию. – Скажите, миссис Сойер, каковы ваши истинные намерения относительно фамильного дома?

– Намерения? Я просто хочу прожить в нем эту осень и зиму. Видите ли... год назад у меня умер муж.

– Примите мои соболезнования! – искренне воскликнул Данби. – Да, кажется, я вас понимаю. Во времена тяжелых потрясений иногда полезно вернуться к корням. В места, где все знакомо, где мы были счастливы, где остались только хорошие воспоминания.

«Да он ас в своем деле», – подумала Лидия. – «И необыкновенно ловко выуживает из клиентов самую подноготную. Не удивлюсь, если именно Данби является главным источником местных сплетен».

– Если вы вдруг решите, что хотите снова пустить здесь корни, то до меня дошла информация, что... ситуация может в ближайшее время измениться, – заговорщицки продолжил агент, подтверждая ее догадку.

– Как это?

– Я слышал, что Питер Блейк-Чесни получил предложение о работе инженером на крупном предприятии в другом штате. Чуть ли не где-то на Юге. Это вполне может оказаться правдой, поскольку в свое время молодой человек с отличием закончил технологический институт Рочестера, а потом еще и получил диплом инженера в Массачусетсе. Он был вынужден вернуться домой, чтобы ухаживать за больным отцом после смерти матери, вот и устроился работать в местную автомастерскую. Она и расположена неподалеку и у него там достаточно свободный график.

– Очень похвально, – сказала Лидия, хотя внутренне была с этим не согласна. Если юноша и правда был настолько многообещающим инженером, то почему бы не найти работу с хорошей зарплатой, чтобы нанять отцу сиделку.

– Теперь, когда отца не стало, Питер нашел возможность продолжить карьеру. И если он действительно уедет из Рочестера, то... проблема продажи дома решится.

– Что значит «решится»? – нахмурилась Лидия. – Вы намекаете, что дом могут продать до того, как истечет срок моей аренды?

– Нет, нет, – захрустел Данби пальцами. – Вы неправиль-

но меня поняли. Договор об аренде составлен по всем правилам, тут специально оговорены пункты, что владельцы не смогут его расторгнуть в одностороннем порядке, если не возникнет... Ох, миссис Сойер, вы вообще читали договор, который я вам выслал в Миннесоту?

– Мой поверенный прочитал. Сказал, что все в порядке.

– Вот и замечательно. Однако если у вас появится желание, хм, хм, приобрести этот дом в постоянную собственность... стоит иметь в виду, что такой вариант тоже возможен. Подумайте об этом, Лидия. Думаю, жители Айлсборо будут счастливы, что дочь Иена и Анны Боннар вернулась в наши края.

Из конторы Реджи Данби Лидия вышла с небольшим головокружением. Она не помнила, как завела машину и без раздумий доехала до Тара-лейн по знакомому с детства маршруту, автоматически сворачивая с широких авеню на уютные кривоватые улочки, уже начинавшие покрываться разноцветным ковром. Бросив машину прямо на подъездной дорожке, Лидия, открыла парадную дверь ключами, полученными от агента, выпустила Поршу из корзины и стала неспешно обходить свое временное владение. Которое может стать ее навсегда, мысленно поправила себя Лидия.

Дом был в весьма удовлетворительном состоянии. Видимо, Питер Блейк-Чесни за ним хорошо присматривал,

а недавно сделал какой-то косметический ремонт, чтобы сдавать дачникам. Естественно, особняк предоставлялся со всей обстановкой, что Лидию вполне устраивало, ведь собственной мебели у нее почти не было – в импульсивном порыве она продала их с Джорджем дом в Коннектикуте вместе со всем содержимым, а перед этим устроила гаражную распродажу, чтобы получить как можно больше наличных на то, что теперь она называла «миннесотской авантюрой».

«Если брат и сестра Блейк-Чесни захотят избавиться от особняка, наверняка им тоже будет неохота возиться с этими тяжелыми шкафами и шифоньерами», – рассуждала Лидия. – «Боже мой, неужели я всерьез рассматриваю возможность этой покупки?».

Она вновь вспомнила разговор с Кейтлин. Вначале сестра очень обрадовалась тому, что Лидия возвращается в штат Нью-Йорк, пусть и в Рочестер.

– Это не так далеко от Нью-Йорка, всего три часа езды. Ты можешь часто навещать нас с Обри, да и ребята будут рады. Я даже пришлю за тобой лимузин с шофером, чтобы тебе не пришлось проделать весь этот путь одной за рулем, – защелкала она в трубку.

Лидия заметила, что Кейтлин ни разу не допустила мысли, что она сама может приехать к сестре в Рочестер даже на этом персональном лимузине. Поэтому набралась смелости и выложила самое главное.

– Ты знаешь, я сняла не просто дом в Рочестере. А наш

дом.

– Что значит, наш?

– То и значит. Наш старый дом на Тара-лейн в Айлсборо, в котором мы выросли.

– О, господи, как тебе пришла в голову подобная глупость?! – вскричала Кейти.

– Ну, он был среди предложений от агентства. А на зимний сезон за аренду запросили вполне приемлемую цену.

– Еще бы! Ты же помнишь, что он огромный? И старый? Когда ты сказала, что хочешь провести зиму в Рочестере, я подумала о каком-то маленьком уютном коттедже, который подходит...

– Одинокой вдове с кошкой?

– Так ты и есть одинокая вдова с кошкой! – взвизгнула Кейти. – А это огромный дом для большой семьи. Что ты будешь там делать одна? Наверняка центральное отопление там так и не провели, тебе придется топить камины, греть воду, разжигать плиту. Ты даже не знаешь, в каком он теперь состоянии... Подожди. Или ты опять подумываешь о том, чтобы купить развалюху и отремонтировать ее своими силами? – с подозрением спросила сестра.

– Никакая это не развалюха, – устало ответила Лидия.

– Ну, не знаю, – недовольно пробурчала Кэйтлин. – С тех пор, как Джордж умер, тебя шарахает от одной странной идеи к другой. Пожалуй, я не буду говорить маме, что ты теперь живешь в Айлсборо. Она не любит вспоминать этот

пригород, и я, если честно, тоже.

– Как там мама? – спросила Лидия, радуясь возможности сменить тему.

– Неплохо. Хотя... сдает все сильнее. Все чаще забывает даже самые простые вещи, я рада, что удалось найти ей место в этом доме престарелых. Маме там нравится, а персонал очень внимательный.

Лидия почувствовала укол совести, что ни разу не навестила мать с тех пор как овдовела. Впрочем, у них всегда были натянутые отношения. Лидию раздражала манерность, сентиментальность и тщательно культивируемая беспомощность матери, которая постоянно смотрела на мир кроткими распахнутыми глазами, ища, на кого бы свалить свои заботы. В свою очередь Анна Боннар не скрывала того, что считала старшую дочь неудачным ребенком, который вырос в проблемную девушку – слишком высокую и нескладную, как отец, недостаточно красивую, чересчур язвительную. Она считала, что единственное, что Лидии удалось в жизни хорошо – выйти замуж за Джорджа Сойера. Хотя в этом Лидия была согласна с матерью.

Зато Кейтлин всегда была маминой любимицей. Анна гордилась изящной, покладистой, хорошо воспитанной младшей дочерью и стала еще больше ею гордиться, когда Кейти, перебрав всех подходящих ухажеров, вышла замуж за Обри Леспера-Грамона, отпрыска одной из старейших семей нью-йоркской элиты, влиятельной и богатой. Благодаря щедрости

дочери и деньгам Лесперов-Грамонов она вдоволь вкусила роскошной жизни, а последние несколько лет проживала в элитном пансионе в Мэриленде.

«Может, Кейти и меня отправит в этот пансион, когда я тоже начну сходить с ума», – подумала Лидия.

10 января 1934 года

Дорогой Гленн,

Только тебе я могу в полной мере доверить свое беспокойство. Сегодня на прогулке вдоль залива встретила Иена Боннара, мужа Анны. Мне никогда не нравился этот человек, типичный городской выскочка, к тому же со множественством пороков. И что это за имя такое – Иен? На мой взгляд, оно совсем не американское с какой-то претензией, как и все это семейство.

Анне следовало бы выйти замуж за достойного мужчину из Рочестера или представителя хорошей семьи из Новой Англии, а не мчаться в поисках жениха в Нью-Йорк, где, как известно, водятся одни мошенники, евреи и нувориши. Ее ослепило богатство Боннаров, на деле оказавшееся всего лишь мишурой и позолотой. Элли рассказала мне, что мать Иена в Нью-Йорке слывет кем-то вроде «светской львицы» (хотя я бы назвала ее «кошкой полусвета»), а на самом деле она – просто охотница за богатыми мужьями. Никто не знает, откуда она родом и когда приехала в Америку, никто только ничего не знает о происхождении ее второго мужа, отца Иена Боннара. Ты же понимаешь, милый Гленн, эти люди – ненастоящие, им нельзя доверять. Но Анна, как я тебе уже сказала, была ослеплена этим мнимым блеском, она и сама с головой окунулась в эту

фальшивую жизнь, а что в итоге? Им пришлось вернуться в ее отцовский дом в Айлсборо и влачить почти полнищее существование. У этого Иена Боннара не оказалось твердого стержня, это я сразу поняла. Достаточно посмотреть, как он одевается. То расфуфырится, как франт, то носит какие-то лохмотья, на которые и глядеть-то стыдно.

К тому же он пьет. К сожалению, это уже всем известно, как бы бедняжка Анна не старалась скрыть пагубную слабость мужа. Но мы сами в ответе за свои решения, мы принимаем их, глядя на жизнь широко открытыми глазами, и должны дальше нести свое бремя, пока не придется держать ответ перед Господом. Это я поняла в тот момент, когда заглянула в твои глаза и поняла, что никакая сила не удержит тебя в Айлсборо, пока ты не исполнишь свой долг мужщины. Я и сейчас представляю, что ты смотришь на меня с Небес, а в глазах твоих горит такая же непреклонная решимость.

Иен Боннар не обладает и десятой долей настоящего мужества. Он праздно шатался по берегу, хотя должен был находиться в присутствии, чтобы содержать большой дом и семью. Он спросил меня, что я делаю на улице в такую стылую погоду. Мне достало стойкости признаться, что я вышла подышать воздухом, чтобы отдохнуть от жалоб матушки, хотя это было вовсе не его дело.

Мистер Боннар вызвался проводить меня до дома. К моему удивлению, от него не пахло алкоголем, как обычно, ина-

че я бы непременно ему отказала. Мистер Боннар был грустен и молчалив всю дорогу, и я не стала его расспрашивать из деликатности. Зато с матушкой он был весьма любезен, даже зашел в ее спальню и расспросил о самочувствии. Мамино лекарство наконец подействовало, так что она была немного вялой, но была признательна за визит. Я почувствовала к мистеру Боннару искреннюю благодарность, ведь в последнее время у нас не слишком часто бывают гости, кроме доктора Оливера и Элли, которая забегает всегда ненадолго.

Я подала нам в гостиной чай с пшеничными лепешками и сиропом, мистер Боннар ни разу не спросил о выпивке. А уходя посоветовал вызывать маме другого врача для консультации.

Дорогой Гленн, я в смятении. Почему он так сказал? С кем мне посоветоваться? Спрошу завтра у пастора.

Глава 3

Не успела Лидия поселиться в новом доме, разложить свои вещи по шкафам и открыть счета в окрестных лавках, как последовали визиты соседей. Насколько Лидия могла судить, ко временным арендаторам в Айлсборо относились без особого энтузиазма, предпочитая их тихо игнорировать, но тут одинокая женщина средних лет, снявшая дом на зимний сезон, заинтересовала соседей. А, может, мистер Данби шепнул пару словечек тут и там.

Как бы то ни было, в среду на чай к ней завелись сразу три старухи, которых можно было бы принять за сестер: все с бесцветными глазами, одетые в серый твид и в одинаковых маленьких шляпках. Хотя они оказались вовсе не сестрами, а соседками или старыми подругами, представившись как мисс Берк, мисс Макманус и миссис Стокли, а, может, и как-то иначе, Лидия слушала их довольно рассеянно. Начали они с того, что принесли пирог с меренгой, свежие булочки и домашний джем, и Лидии ничего не оставалось, как пригласить дам в дом на чашечку чая. На вид им было лет восемьдесят, но Лидия была уверена, что под дряблыми румяными щечками и невинными голубыми глазами скрывается острое жало и волчий нюх на различные скандалы.

– Значит, вы вдова? – скорбно осведомилась одна из дам, назвавшаяся Летицией Берк.

– Вдова, – подтвердила Лидия.

– И вы правда раньше жили в Айлсборо? – спросила Ефимия Макманус, хуже всех троих скрывавшая любопытство.

– Да. Я выросла в этом доме.

– Лидия! Неужели ты меня не помнишь?! – требовательно возвысила голос третья дама. – Я твоя тетя Элис.

Тетя Элис! В памяти у Лидии всплыл образ строгой тетки, которая сидела в гостиной с недовольно поджатыми губами и постоянно делала девочкам выговор за неряшливый внешний вид и плохие манеры. «Господи, а ведь ей же было не больше тридцати, когда я родилась», неожиданно осенило Лидию. «Но я уже считала ее безумной надоедливой старухой». Теперь же Элис Стокли действительно стала старухой, и это вовсе не пошло ей на пользу. Если две ее подруги были сухонькими и немного воздушными, то фигура тети Элис основательно расплылась, а в лице появилось что-то бульдожье.

– Конечно, ты меня не помнишь, – фыркнула Элис. – Такая же неблагодарная как твоя мать.

– Дорогая, – примирительно сказала Ефимия Макманус.

– Ни письма, ни открытки за тридцать лет, – не унималась миссис Стокли.

– Извините, тетя Элис, – покраснела Лидия. – Я не знала...

– Не знала, что я до сих пор жива? – язвительно закончила миссис Стокли.

– Дорогая, – снова заблеяла мисс Макманус.

– Да, ладно, – отмахнулась Элис Стокли. – Мне просто было интересно посмотреть, какой ты выросла. Кстати, чай ты заваривать правильно так и не научилась. Значит, ты овдовела?

– Да.

– Перестань отвечать односложно, будто скрываешь какую-то постыдную тайну. Я тоже вдова. Мой дорогой супруг скончался двадцать лет назад. Разрыв аневризмы.

– Мой муж... тоже умер внезапно. От инфаркта по дороге в контору. Врачи ничего не смогли сделать.

– Таков удел мужчин, – глубокомысленно изрекла Элис Стокли. – И как ты оказалась здесь, Лидия?

– Муж... оставил мне денег. Мне невыносимо было оставаться в доме, где мы жили вместе. И вот я решила вернуться в Рочестер. Неожиданно увидела, что наш старый дом сдается. Вот и вся история.

Лидия долго репетировала эту отредактированную версию для местных кумушек. Но не ожидала, что ее придется сразу отрабатывать на родной тете.

– И что плохого в том, чтобы жить в доме мужа, сохранять память о нем? – сурово спросила Элис. – Мне всегда казалось, что ты не такая размазня, как Анна, твоя мать. Дети есть?

– Да. Два мальчика.

Лидия пустилась в описание успехов своих сыновей, до-

стала из сумочки фотографии. Это умиротворило двух старых дев, но не тетку Элис.

– Я всегда считала, что Анна поступила слишком глупо и импульсивно, продав наш семейный дом. Дом, который построил еще наш дед. Но она всегда была немного не от мира сего. Мне казалось, что ты пошла в нашу породу, в Норбертов, несмотря на всю дурь, которой тебе забивал голову Иен, твой отец. Мы, Норберты, всегда крепко стояли на ногах, знали, что правильно, а что нет. Агнес, моя младшая сестра была из той же породы, упокой Господь ее душу. Жаль, что ей так и не довелось встретить хорошего мужчину, но она всю себя посвятила вашей семье и твоему воспитанию.

Воспоминания Лидии о методах воспитания тети Агнес были еще хуже, чем о тете Элис, так что она сочла за благо промолчать.

– Зато Анна постоянно корчила из себя чуть ли не принцессу. Все ей в Рочестере было не по вкусу. Уж не знаю как, но она уговорила мать отвезти ее в Нью-Йорк на осенний сезон дебютанток. Все мечтала подцепить прекрасного принца. А ведь она и правда была красавицей. И что в итоге?

– Вышла замуж за моего отца, – ответила Лидия ровным голосом.

– Вот именно. За Иена Боннара. А уж кто к ней только не сватался. Но она в итоге выбрала Боннара. Спору нет, он был из хорошей семьи. Твоя бабка со стороны отца была настоящей леди или умела так себя поставить. Ты, кстати, зна-

ешь, что тебя называли в ее честь. Вот только, когда Анна вышла замуж за Иена, та была уже не Лидией Боннар. Отца Иена она давно схоронила, а потом еще парочку мужей свела в могилу. И деньги в их семье всегда водились. Вот только сам Иен явно не пошел в ее породу. Потратил все отцовское наследство, ни к какому делу так и не пристроился. Да, он был каким-то там ученым, но никто не знает, что именно он изучал. До войны любой бездельник мог объявить себя ученым, никто бы не стал проверять, какие формулы он там пишет, пока прикладывается к бутылке. Я имею в виду Первую войну, дорогая. К сожалению, моя сестра слишком поздно обнаружила этот его грех.

Стрелы тети Элис били точно в цель. Даже ее подругам стало неловко.

– Иен с Анной жили на подачки его матери и очередного отчима. Но так не могло продолжаться вечно, особенно когда родилась ты. Вот им и пришлось вернуться в Айлсборо, ведь здесь был дом, который наш отец оставил Анне. Я к тому времени уже счастливо вышла замуж за моего незабвенного Нэда, да упокоится он с миром. Отец дал нам денег на обустройство, а дом оставил Анне и Агнес. Анна только и рада была, что есть на кого спихнуть хозяйство, а самой валяться до полудня в постели, предаваясь греху праздности. Ну и Иен совсем потерял над собой контроль, попав под чары зеленого змия. Даже Сухой закон его не остановил, ведь через озеро Онтарио шли поставки нелегального зелья пря-

миком из Канады. Все заботы о хозяйстве, о воспитании тебя и Кейтлин легли на плечи Агнес. И я помогала, как могла, мой Нед, святой человек, понимал, что я не могу бросить племянниц, ведь своих детей нам Господь не дал.

Лидия едва не усмехнулась, представив, что Нед, святой человек, был особенно счастлив, что его суровая супруга проводит много времени, третируя зятя и оставив его самого в покое.

– А ведь мы столько лет пытались пристроить Иена хоть к какому-то полезному делу, правда, Фими, – продолжила вещать Элис, призвав в свидетельницы верную подругу. Та испуганно кивнула. – И в городском совете нашли ему место, и в местном банке, и в бухгалтерии на фабрике Джессопа, и управляющим на пилораме Прескотта. Раз уж он так хорошо управлялся с цифрами, как уверял. Но нигде он долго не задерживался. Лень – величайший из грехов. И пьянство.

– Мой отец был талантливым математиком, – придав голосу твердости, возразила Лидия. – Его статьи публиковали в научных журналах.

– Математиком? – презрительно повторила Элис Стокли. – Разве на это можно прокормить семью и содержать такой большой дом. Анне очень повезло, что он так своевременно попал под машину. Кстати, как дела у твоей матери? Я давно не получала от нее никаких известий.

Продолжая беседу с тетушкой, Лидия все сильнее чувствовала желание огреть ее чайником прямо по лбу, сбив с

макушки шляпку с шиньоном, или хотя бы сказать что-то резкое, что остановило бы этот поток копившейся годами злобы. Наконец, Элис сама предоставила ей такую возможность.

– Реджи Данби сказал, что ты приехала еще на прошлой неделе. Однако почему-то я не видела тебя на воскресной службе. Ты поменяла веру?

– Нет, тетя Элис, – улыбнулась Лидия. – Я вообще не хожу в церковь. Я атеистка. Мы много обсуждали вопрос существования высшей силы с отцом, и он всегда призывал меня полагаться на науку, а не на догматы.

Элис Стокли немного возмущенно попыхтела, перекусив еще двумя булочками, потом подхватила на буксир двух верных подруг и отчалила.

Лидия не особо беспокоилась, что старые дамы во главе с ее теткой разнесут по округе весть о ее нигилистических воззрениях. В конце концов, на дворе были шестидесятые, все газеты и журналы кричали о времени перемен. Себя Лидия уже давно причислила к уходящему поколению, а таких, как Элис Стокли считала рептилиями, по инерции цепляющимися за жизнь теплокровных.

Максимум, что ей грозило – отсутствие приглашений на чай и ужины от других обитателей Айлсборо, таких же скучных и консервативных динозавров, чему Лидия была только

рада. И правда, все местные пенсионеры быстро утратили к ней интерес, они неизменно вежливо здоровались на улице, но не делали попыток заговорить ни о чем, кроме погоды.

Лидия охотно занялась подготовкой сада к зиме, часто гуляла в лесу и у озера, иногда вечерами выбиралась в центр Рочестера, переехав через залив. Город действительно изменился – теперь тут были неплохие рестораны и бары, где можно было завязать ни к чему не обязывающее знакомство, хотя у Лидии пока что не получилось ничего путного: либо одинокие мужчины вовсе не обращали на нее внимание, выискивая девчонок помоложе, либо те, кто все-таки проявлял знаки внимания, внушали Лидии безотчетное опасение, и она сама быстро заканчивала разговор, заявляя, что ждет мужа или подругу.

Просидев несколько вечеров в шумном баре, выпив всего по одному коктейлю, Лидия чувствовала усталость и мечтала только о том, чтобы вернуться домой в Айлсборо и залезть под пуховое одеяло.

«Мое время прошло», – с грустью констатировала Лидия, когда дождливым вечером заруливала в гараж, понимая что клетчатая косынка, надетая, чтобы защитить прическу от капель, ее вовсе не молодит.

В ту ночь она была даже рада, что ей после долгого перерыва приснился Джордж, который привычным движением просунул руку ей под грудь и прижался к ее спине. Сон был настолько простым и реальным, что Лидия едва не распла-

калась от досады, когда открыла глаза.

17 января 1934 года

Дорогой Гленн,

Наконец-то к нам пришла настоящая зима. Хотя она не пришла, а буквально обрушилась, ворвалась в Айлсборо словно толпа домохозяек в универсальный магазин в дни рождественских распродаж. Хотя ты бы наверное сравнил резкое наступление холодов с кавалерийской атакой. Причем кажется будто зиму что-то надолго задержало в пути и теперь она стремится наверстать упущенное. Два дня в городе бушевал ураган, сорвало линии электропередач, потом начал валить снег с метелью, так что все дороги засыпало.

Температура упала до четырнадцати градусов³, и говорят, что будет еще холоднее. Мистер Боннар выписывает много журналов из Нью-Йорка и Бостона, он говорит, что в этом году ожидается рекордно холодный февраль. Как будто мне мало всех прочих напастей!

Конечно, сейчас и речи быть не может о том, чтобы отвезти маму к какому-то другому доктору в Рочестер, тем более в Бостон, как предлагает мистер Боннар. Дороги полностью замело, нет возможности выехать на шоссе, хотя шеф полиции Вудторп и его сын Джуд организовали добро-

³ – 10 по Цельсию.

вольную дружину, чтобы расчистить проезжие улицы. Хорошо, что Фими Макманус и ее брат Фергюс помогли мне убрать сугробы с крыльца и ступеней, иначе мы с мамой оказались бы заперты в собственном доме.

Маме стало немного получше, она уже не так стонет и жалуется, даже встает с постели и сидит у камина, завернувшись в шерстяной плед. Наверное дело и правда было в погоде: пока было сыро, у нее ныли суставы, а теперь, когда воздух стал сухим и холодным, боль отпустила и голова прояснилась.

Элли говорит, что это нормально для пожилых людей, а ее зять зря поднимает панику и дурит мне мозги, потому что это в своем Нью-Йорке они привыкли почем зря сразу же бежать к какому-нибудь новомодному специалисту, чтобы тот поставил диагноз с непроизносимым названием.

Вот и мама говорит, что никуда она не поедет, доктор Оливер лечил ее много лет, он лечил и моего отца, так что ему она доверяет уж точно больше, чем какому-то неизвестному шарлатану. Боли она почти не чувствует, особенно когда сидит, а то, что у нее нет аппетита, так это потому, по ее словам, что я за все эти годы так и не научилась нормально готовить.

Дорогой Гленн, как же мне не хватает твоей поддержки. Хотя я ее, конечно, чувствую, я знаю, что ты молчаливо смотришь на меня с Небес и хотя бы немножечко переживаешь за меня.

Надо признать, что мистер Боннар проявил себя с хорошей стороны. Уже второй раз он приходил к нам в дом, приносил запасы продуктов, которые остались у них в кладовке, чтобы мне не пришлось выходить на улицу в метель, потому что у юного Кита Орсона, доставщика из бакалейной и мясной лавки уже второй день не заводится мотор автомобиля. Конечно, я не глупа, ты же знаешь, и подозреваю, что тут у него есть и собственная корысть. Под предлогом того, что он навещает мою больную матушку, Иен Боннар навдывается в «Сигнальщик», один раз я уже уловила от него запах дешевого виски, да и мама тоже заметила, но она сказала, что все равно Иен Боннар – очень порядочный молодой человек, а мужчины всегда были слабее женщин.

И еще она сказала, что мистер Боннар ей почему-то напомнил тебя. Это было так неожиданно, что мне стало холодно, несмотря на натопленную комнату. Столько лет мама даже не упоминала твоего имени, а теперь почему-то решила его произнести. И для меня это прозвучало так, словно она наступила на твою могилу.

Глава 4

Лидия как раз занималась расчисткой клумб от опавших листьев, когда заметила мужскую фигуру, скрывающуюся в роще недалеко от дома. Вооружившись секатором, она с некоторым недоумением последовала за ним. Заборы в Айлсборо не слишком жаловали – маленький белый штакетник служил скорее декоративным элементом, чем реально разграничивал участки, поэтому некоторые дачники по незнанию могли случайно забрести на чужую территорию, чтобы срезать путь к озеру или главной дороге.

Однако молодой человек вовсе не заблудился. Он возился с навесным замком странного фахтверкового строения, возникшего на месте старой мастерской отца. Поначалу Лидия очень расстроилась, обнаружив, что мастерскую снесли, ведь с этим местом у нее было связано столько воспоминаний. Но, подумав, решила, что никто не стал бы тридцать лет терпеть самодельный сарай из разномастных бревен и досок, который отец соорудил в одиночку. А воздвигнутое на его месте здание было по-своему красиво и удачно вписывалось в пейзаж, вот только пока что Лидия не выяснила его назначения, потому что тяжелая дверь была всегда заперта.

– Простите, – Лидия выставила вперед секатор. – Что вам здесь надо?

– Ох, – незнакомец втянул голову в плечи, затем пошел

навстречу Лидии. Женщина нервно попятилась.

– Некрасиво получилось, миссис Сойер. Я же правильно понимаю, что вы миссис Сойер? Я – Питер Блейк, вы арендуете у меня дом.

– Ааа, – успокоилась Лидия. – Приятно познакомиться.

– На самом деле мне надо было сразу к вам зайти представиться. Да все как-то времени не было, к тому же не хотелось вас беспокоить. Не все арендаторы любят, когда владельцы ломятся к ним в дом.

Лидия разглядывала Питера. На вид ему можно было дать от двадцати пяти до тридцати пяти, хотя про тридцать пять Лидия даже не подумала, если бы не набрякшие мешки, выступающие двумя запятыми на скулах юноши. Вид у него был, как у неприкаянного бунтующего подростка с едва пробивающейся щетиной. Он был одет в поношенный джинсовый комбинезон, поверх которого была накинута кожаная куртка. Когда парень снял кепку, Лидия увидела криво подстриженные волосы, цвет которых было трудно определить то ли из-за бриолина, то ли из-за грязи и машинного масла.

– Ну а сейчас что вы тут делаете? – повторила она вопрос.

– Хм, это... наш сарай. Что-то вроде того. Вначале отец планировал построить что-то вроде сухого лодочного дока, чтобы держать зимой катер. Отсюда же совсем близко к берегу. Точнее, к дороге, по которой можно лодку довести прямо к пристани.

– Я знаю. Я сама тут выросла. И мы с отцом тоже волокли

новую лодку на прицепе до берега. На этом месте как раз стояла наша мастерская.

– Ах, точно! Мистер Данби мне рассказывал, что вы раньше жили в этом доме. Надо же, какой интересный поворот судьбы.

– Вы можете все-таки сказать, что вы тут делаете? – Лидия начала раздражаться.

– Ох, так я и пытаюсь объяснить. Катера давно никакого нет. И я использую этот сарай как склад. Тут хранятся все мои вещи, которые я вынес, чтобы они не мешали арендаторам. Ничего особенного, просто я живу сейчас в маленькой квартирке, куда не могу перевезти все. Вещи родителей, картины, фотографии, мои работы из университета... Хотите посмотреть? – Питер наконец повернул ключ, снял замок и распахнул скрипучую дверь, потом дернул за шнур выключателя. Под потолком зажглась лампочка.

Лидия мельком оглядела сложенные у стены коробки, старинные сундуки, картинные рамы, завернутые в белые полотнища. Места внутри было предостаточно для моторного катера, однако казалось, что склад забит барахлом под завязку.

– Мне надо кое-что забрать, – пояснил Питер.

– И часто вы будете это делать? – сварливо спросила Лидия. – Послушайте, мистер Блейк-Чесни, я понимаю, что это ваш дом и ваш сарай, вы можете посещать его в любое удобное время. Однако я тут живу одна и не слишком рада незва-

ным визитам. Сегодня вы меня порядочно напугали. Не могли бы вы в следующий раз заранее предупредить, что явитесь за своим имуществом, или хотя бы позвонить в парадную дверь прежде чем красться через кусты?

– Я не хотел вас беспокоить... – смутился Питер. – Простите, если вас напугал. Кстати, вот, возьмите, – он залез в нагрудный карман комбинезона и извлек кусочек картона. – Это карточка гаража, где я работаю. Тут указан номер телефона. По большей части я там или в комнате наверху, ребята мне передадут, что вы звонили. Если вам что-то понадобится... например, трубы засорятся или выключатель закоротит, просто позвоните мне. Я приеду и все отремонтирую.

«Да что со мной происходит?» – недоумевала Лидия, возвращаясь к дому и щелкая от злости секатором. – «Милый и вежливый парень, пришел за своими вещами, потом извинился, предложил свою помощь, а я наорала на него, как какая-то сварливая перечница. Неужели в Айлсборо все такие? Самодовольные вдовы и злобные старые девы. И я сама не замечаю, как становлюсь на них похожей».

Поскольку Лидия все еще корила себя за то, как обошлась с Питером Блейк-Чесни, то следующий встреченный ею в тот же день молодой человек получил максимум дружелюбия, на которое она была способна.

Отдохнув после ленча Лидия отправилась погулять на

озеро и там увидела одинокого рыбака, ловившего рыбу с мостков. Впрочем, называть этого незнакомца «молодым человеком» было бы преувеличением. Ему точно не меньше тридцати пяти, определила Лидия. И он определенно весьма красив.

Прямой римский нос, волевой подбородок, отливающий синевой, темные волосы, уложенные в модную прическу. И великолепные синие глаза, не серо-голубые, а настоящего глубокого кобальтового оттенка. «Такой мог бы стать кинозвездой или телеведущим», – с интересом подумала Лидия. «Или уже стал, может, это какая-то знаменитость, скрывающаяся от внимания поклонников в лесах Рочестера. Хотя, конечно, странно он скрывается. Если бы хотел не привлекать внимания, то не надел бы эту кричащую лиловую куртку». Куртка и впрямь была впечатляющей, она навевала мысли то ли об одеяниях восточного паши, то ли о домашней пижаме.

– Добрый день, – Лидия подошла поближе поинтересоваться, как клев. Увиденное заставило ее вздрогнуть.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулся мужчина, обнажив белоснежные зубы.

Точно кинозвезда, уверилась Лидия. В Рочестере так никто не улыбается. К тому же, когда он галантно поднялся, оказалось, что он на дюйм ниже Лидии, чей рост составлял 5 футов 10 дюймов⁴. А она слышала, что многие актеры невы-

⁴ Примерно 178 см.

сокие.

– Что, так заметно, что я не рыбак? – спросил он, увидев выражение лица Лидии.

– Да, – кивнула она с облегчением. – А то я боялась вас расстроить. Вы все перепутали: поплавок, крючок, грузило. И эта наживка совсем не подходит. Она для спиннинга.

– Наверное. Я просто зашел в местный хозяйственный магазин и купил все рыболовные снасти. Продавец предложил мне собрать удочку и подобрать подходящую наживку, но я не хотел перед ним позориться. В итоге опозорился перед вами. Кстати, меня зовут Перегрин О’Тул.

– А меня Лидия Сойер. Вы специально приехали сюда на рыбалку?

– Судя по вашему тону, я что-то опять сделал не так.

– Ну... просто в этом месте озера никогда особо не клевало. Вам нужно дальше по берегу, там хорошее место под утесом. Или в заливе. А еще лучше взять лодку.

– Подождите-подождите, не так быстро! Я и удочку в руки взял первый раз в жизни. Вообще-то мне вполне достаточно того, что я тут сижу на берегу, но местные начали на меня косо смотреть, как будто я какой-то псих, вот я и решил, что парень с удочкой будет вызывать меньше вопросов.

– О. Так вы здесь живете?

– Снял дом на год. А вы?

– Я тоже арендую. На Тара-лейн.

– А я живу на пересечении Атлантик и Эмери-роуд.

– Я знаю, где это! Подождите, там рядом живет одна моя знакомая, Летиция Берк. И еще Ефимия Макманус.

– Мисс Сойер, – неприязненно поморщился О’Тул. – Вы дружите с этой старой мегерой Берк? И этой... как ее... Макманус, но та хоть потише. Честно говоря, все, чего они заслуживают – чтобы кто-то наконец заткнул им рот.

Лидия была удивлена столь резкой реакцией.

– Я бы не сказала, что они мои подруги. Скорее они дружат с моей тетушкой.

– Так вы живете с теткой?

– Нет... это долгая история. Я тут жила раньше. До войны. А теперь снова вернулась и арендовала старый дом, который мы давно продали. Я же говорю, долго рассказывать.

– А я обожаю долгие истории. Вы замужем?

– Нет... то есть... нет.

– Ага, мисс «нет, то есть, нет». Или миссис?

– Миссис. Но это не то, что вы подумали.

– А что я мог подумать?

– Как будто я разошлась с мужем. Но это не так. Я вдова.

– Ох, сколько пафоса. Как будто это что-то меняет. Значит, вы сюда приехали скорбеть?

– Нет... то есть... нет.

– Уже лучше. Мне нравится ваше постоянство в выражении мыслей.

– Ну, а вы? Что вы тут делаете?

– Я писатель. Пишу книгу.

– Да что вы говорите! – заинтересовалась Лидия. – А вы уже печатаетесь?

– Эм... пока нет. Если честно, это мое первое большое произведение. Так, было несколько эссе, издателям понравилось.

– Ну, понятно.

– Что вам понятно, миссис «нет, то есть, нет»?

– Что вы совсем не похожи на писателя!

– Правда? И как должен выглядеть писатель? С бородой и трубкой?

– Ну, вы выглядите... несерьезно. Как будто вам место не здесь, а где-нибудь на Бродвее или в Голливуде.

– Ха-ха. Я одеваюсь так, как хочу, и плевать мне на чужое мнение. Вообще-то я и правда раньше работал в рекламе. Сделал неплохую карьеру. Но потом решил попробовать себя в новом жанре. Поэтому и снял тут дом, чтобы мне никто не мешал.

– Наверное вы избрали плохую тактику, если все время скандалите с соседями.

– А вам палец в рот не клади, Лидия. Кстати, не хотите ли выпить по стаканчику, чтобы отметить знакомство. Тут не так много людей, с которыми вообще можно разговаривать.

– Выпить?

– Ну, да. Коктейль, шампанское, шерри или что вы там пьете.

– Шам... где?

– У меня дома, конечно. Мне недавно привезли целый ящик «Боллинджера» из Нью-Йорка. Ради бога, не делайте такое лицо. Сейчас вы скажете, что это неприлично, а если мегера Берк застучает, как вы входите в мой дом, она донесет вашей тетке, и та устроит вам скандал. Вас и правда это беспокоит, Лидия? Ну, ладно, не буду вас смущать. Заеду сегодня за вами в восемь, если объясните, где находится эта ваша Тара-лейн. Я знаю неплохой ресторанчик в Рочестере, а при нем есть бар. Конечно, не «Лафайет», но выбирать особо не приходится.

«Что это было?», – ошеломленно спрашивала себя Лидия по дороге домой. – «Меня действительно только что пригласили на свидание или этот якобы писатель не знает, чем занять себя от скуки. И что это за имя такое – Перегрин?».

На следующий день тетка Элис с возмущенным видом водрузила свои телеса в гостиной у Лидии.

– Говорят, тебя видели с этим ирландским прощельгой, – сурово возвестила она. – Ты разъезжала в его автомобиле поздним вечером.

Лидия прыснула.

– Гляжу, новости тут разносятся быстро.

– Да, потому что у нас тихий богобоязненный район, где люди твердо стоят на пути праведности, зарабатывая свой хлеб, и не поддаются греху.

– Какой грех, тетя? Мы просто поужинали вместе. К тому же мы взрослые свободные люди.

– Вот именно. Ты уже не глупая девчонка, чтобы вешаться на первого встречного.

– Я и не вешалась на мистера О’Тула. Мы отлично провели время, беседовали. Перегрин довольно остроумный, с ним интересно разговаривать. Он много путешествовал. Кстати, ты знаешь, что он воевал в Корее?

– По его словам.

– Да что вы все так взъелись на бедного Перегрин? Из-за того, что он писатель? Или из-за того, что ирландец?

– Ведет себя неподобающе! – отчеканила Элис Стокли. – Одевается в эти кричащие бабские тряпки, завивает волосы. А ты знала, что ты у него не единственная? К нему приезжали женщины! И не одна. Он даже имел наглость устроить у себя дома отвратительную вечеринку с музыкой. Шум стоял такой, что бедная Фими и бедная Летти всю ночь не могли сомкнуть глаз.

– Я вовсе не собираюсь строить романтических отношений с мистером О’Тулом, так что мне все равно, что за женщины у него собираются. И я бы сама не отказалась от приглашения на такую вечеринку, тетя Элис. А вы с подругами вместо того, чтобы призывать на его голову небесные кары, просто попросили бы сделать музыку потише.

– Кстати, о приглашении, – поджала губы миссис Стокли. – Я пришла, чтобы передать тебе вот это.

– Что это?

– Приглашение. На благотворительный вечер в доме миссис Фезерстоун по случаю Дня Колумба. Мы собираем пожертвования на строительство нового церковного клуба.

– Хорошо, я приду и захвачу с собой чековую книжку. Хотя я понятия не имею, кто такая миссис Фезерстоун.

– Ну, конечно ты знаешь Пруденс Фезерстоун! В девичестве она носила фамилию Ламонт. Вы же дружили, когда были девочками.

– Прю Ламонт! – вскричала Лидия.

20 января 1934 года

Дорогой Гленн,

Как я и предполагала, несмотря на холод, жизнь в Айлсборо вернулась в прежнее русло. Снег перестал валить, облака поднялись, открыв ясное голубое небо, воздух стал свежим и прозрачным, а ветки переливаются примерзшими снежинками. Помнишь, как мы любили такую погоду? Можно было идти на каток или играть в снежки. Однажды ты воздвиг настоящую снежную крепость с круглой башней в середине. Честно говоря, я бы хотела, чтобы мы поместились в этой башне вдвоем, но ты заявил, что я – твоя принцесса, а ты мой рыцарь и будешь защищать замок от посягательств врагов. Как бы я хотела, чтобы ты не искал врагов так далеко.

Нынешние молодые люди не развлекаются так, как мы. Элли мне рассказывала, что однажды она застала молодого Лоуренса Уэллмана целующимся с Бетти Коллинз прямо в машине его отца, хотя они даже официально не сделали оглашение о помолвке. Она попробовала поговорить с миссис Уэллман, но та даже не стала ее слушать. А что взять с Уэллманов? Муж все время пропадает на своей обувной фабрике или заключает контракты по всему штату, а его жена в это время тратит его деньги, постоянно уезжает то в Нью-Йорк, то еще куда подалее. Вот и сейчас она за-

явила, что не собирается тут проводить зиму, собрала целый ворох чемоданов и, как только дороги открылись, уехала куда-то на юг. А ведь молодые люди сейчас еще не окрепли умом и духом. Им постоянно требуется пригляд и наставление. Ведь им не пришлось пережить то, что выпало на нашу долю.

И я не сомневаюсь, что Дерек Гаскелл также тайно милуется с Лидией, а ведь, несмотря на все старания Анны, они так и ничего не решили со свадьбой. Но разве молодые люди думают о долге или приличиях, они считают, что жизнь создана исключительно для удовольствий. Прошедшим летом я несколько раз видела, прогуливаясь по лесу, как кто-то из них украдкой выбирается из ивовой рожи и, судя по состоянию костюма, они там явно не грибы искали. Я была достаточно тактична, чтобы незаметно перейти на другую тропинку, хотя современным молодым людям стоит помнить о том, что в своей беспечности они могут зайти слишком далеко.

Как мне не хватает наших прогулок, дорогой Гленн! Иногда, когда я иду по лесу, мне кажется, что я ощущаю твое присутствие, словно твоя рука легко касается моей перчатки.

Сейчас, когда мама еще очень слаба, я не могу надолго отлучиться из дома, вдруг ей что-то понадобится, а позволить себе постоянную прислугу мы не можем. Чаще всего я хожу в коттедж Фими и Фергюса, они так и живут

через дорогу, как и двадцать лет назад. Фими одно время переживала, что брат захочет жениться, а ее оставит совсем одну, но, к счастью для нее, этого уже скорее всего не произойдет. Сейчас Фергюсу тридцать восемь, и он шагу без сестры ступить не может, к тому же она тщательно следит за теми, с кем он общается. Мне иногда хочется сказать Фими, что нельзя вести себя столь эгоистично, но я подозреваю, что это ее сильно обидит, а все-таки она моя лучшая подруга. Помнишь, вы с Фергюсом собирались вместе отправиться на Войну, но она вцепилась в него мертвой хваткой? А потом, когда пришло известие о твоей гибели, Фими не могла скрыть удовлетворения, что все-таки оказалась права. Как же я ее тогда ненавидела. Наверное я до сих пор ее ненавижу, хотя она и моя лучшая подруга. Ненавижу и завидую, хоть это и смертный грех, да простит меня Господь. Ведь она сумела удержать своего брата, а я тебя нет. Наверное в каких-то делах власть сестры сильнее власти невесты.

Больше я никуда не хожу и нас с мамой никто не навещает. Даже Элли не находит времени, потому что она очень занята семьей сестры, работой в приюте для бедных и раздачей горячего супа, ведь в такую погоду много нуждающихся.

Прости меня, Гленн, я едва тебе не соврала. Не знаю почему, но мне трудно в этом признаться тебе даже на Небесах. Ко мне снова заходил Иен Боннар. Не понимаю, почему

я так смущаюсь, когда пишу это. Он читал маме газеты, а еще мы с ним говорили о его дочерях. Кейтлин еще учится в школе в Вуденлейке, сейчас ее пришлось забрать домой из-за снегопада, а Лидия уже совсем взрослая и после рождественских каникул вернулась в колледж. Мистер Боннар признался, что занял денег на ее обучение у своей матери и еще у Колина Прескотта, у которого раньше работал.

Он сказал странную вещь. Мол, ему нравится Дерек Гаскелл, но Лидия достойна лучшего. Чего лучшего? Что может быть лучше, чем соединиться с любимым человеком во Христе?

Глава 5

После ухода тетки Лидия еще долго сидела на диване, уставившись на приглашение, словно черные буквы, отпечатанные на мелованной бумаге, могли проявить воспоминания.

Где-то среди еще не распакованных вещей должен был лежать старый фотоальбом, запечатлевший детство Лидии в Рочестере: с родителями, с тетками, со старыми друзьями. Той самой «своей компанией», о которой говорил Реджи Данби. Преимущественно это были отпрыски семей, которые уже не одно поколение жили в Айлсборо, вместе ходили в церковь, имели схожий достаток и происхождение. Дерек Гаскелл, Стивен Тремблтон, Ларри Уэллман и Бетти Коллинз. Одно время Лидия и Дерек как будто бы даже встречались. Точнее их сближение происходило с молчаливого благословения семейств – Норберты и Гаскеллы были явно не прочь породниться. Анна Боннар и ее сестры с одобрительной улыбкой встречали Дерека в гостиной и угощали бисквитами, пока Лидия наверху надевала свое самое нарядное платье, чтобы отправиться с кавалером на танцы. Мать Дерека все чаще приглашала Лидию на субботний ужин или на чашечку чая.

Особой страсти между молодыми людьми так и не возникло, хотя они несколько раз ходили на вполне приятные сви-

дания, однако были опьянены не столько друг другом, сколько собственной молодостью и ощущением чего-то грядущего, чтобы задумываться о совместных серьезных решениях. А вот Ларри и Бетти в какой-то момент начали встречаться уже всерьез и даже, как слышала Лидия, поженились. Так что когда Лидия заявила, что уезжает в колледж, сердце Дереку она не разбила. Через пару лет он и сам вроде уехал учиться в Оксфорд, поскольку в Англии у него было много родственников со связями.

Единственной, кто выделялся в их компании, была Прю Ламонт. Начать с того, что она была из совсем иного социального круга: ее мать жила в том самом пресловутом «поселке прислуги» и приходила в особняки убираться. Миссис Ламонт была вдовой, поэтому ей не с кем было оставить дочь, так что она частенько брала ее с собой. Правда, злые языки (в первую очередь в лице сестер Норберт) утверждали, что никакая она не вдова, а нагуляла ребенка на стороне, вот и вынуждена браться за поденную работу, чтобы не умереть с голоду.

Однако протестантское воспитание не позволяло Анне, Элис и Агнес обидеть малышку Прю. Ей разрешали играть с Лидией и другими детьми, а на кухне всегда всем поровну раздавали теплое молоко с печеньем.

Потом, конечно, стало понятно, что судьбы Прю и ее друзей кардинально расходятся. Девочка с трудом закончила среднюю школу, а затем и вовсе прервала обучение, что-

бы помогать матери с уборкой. А в шестнадцать лет, когда девушка ярко расцвела, она устроилась официанткой в ресторанчик «У Лоры» на берегу залива. Прю действительно в свои годы выглядела уже совершенно зрелой, а ее красота была немного экзотической для Рочестера. Тетки Лидии указывали на темные глаза и волосы девушки, а также широкую переносицу, недвусмысленно намекали, что ее отцом скорее всего был какой-то «цветной» матрос.

Однако все эти сплетни никак не влияли на взаимоотношения в их тесной компании. Вплоть до отъезда Лидии они провели вместе прекрасное лето, катаясь на лодках, отправляясь с ночевкой в кемпинг, где всю ночь жгли костры и пили украденный у родителей алкоголь. Иногда все собирались в доме у Ларри Уэллмана, родители которого часто отсутствовали. Тогда они ставили пластинки, танцевали и экспериментировали с коктейлями.

«А ведь мы же умели веселиться даже в нудном Айлсборо», – с удивлением вспомнила Лидия.

Приехав на рождественские каникулы из колледжа, она услышала, что Прю собирается замуж. Тогда девушка уже откололась от их компании, поскольку ее жених был намного старше и хотел ввести невесту в круг своих знакомых.

– Она и вышла замуж, – подтвердила тетя Элис. – За Колина Прескотта, владельца пилорамы. Он бы старшее ее на тридцать лет, даже старше твоих родителей, можешь себе представить. Но мы же все понимали, что для малышки Прю

с ее происхождением это единственный шанс выбиться в люди, если она не хочет всю жизнь работать подавальщицей или драить полы, как ее мамаша.

– То есть Прескотт ее купил? – изумленно спросила Лидия.

– Он взял ее в законные жены, – чопорно уточнила Элис. – И все обернулось неплохо для Пруденс и ее матери. Той предоставили приличный коттедж в Айрондекуате и выделили ренту, чтобы не пришлось больше работать. Да и Пруденс получила хороший дом, машину и положение в обществе. Конечно, Колин обращался с ней ужасно. Нет, он был по-своему неплохим человеком, щедрым и справедливым, но совершенно не мог совладать с зеленым змием. Когда он... перебирал лишнего, то становился сам на себя не похож. Его работники часто попадали под горячую руку. Иногда приходилось разнимать драки в баре. Я, конечно, своими глазами не видела, но разговоры ходили. И я не могла не заметить синяки на лице Пруденс во время воскресной службы, которые не в силах скрыть никакая пудра.

– Господи, я ничего не знала, – ужаснулась Лидия.

– Наш Господь здесь ни при чем. Каждый человек сам делает выбор. Как бы то ни было, претерпевала Пруденс не так уж долго. Прошло пять или шесть лет, и Колин Прескотт сам свел себя в могилу своим образом жизни. Его печень просто отказала, и он скончался в страшных мучениях в госпитале. Вот горький конец, который ожидает каждого пьяницу!

Лидия почувствовала, что вновь невидимая стрела полетела в гроб ее собственного отца, но не стала противоречить.

– Колин Прескотт оставил вдове неплохое состояние. Мы думали, каюсь, что теперь-то она пустится во все тяжкие, но спустя год Пруденс снова вышла замуж. За Ноя Фезерстоуна, делового партнера ее покойного мужа. Он тоже был намного ее старше, вдовцом со взрослыми детьми, но на этот раз брак оказался счастливым. Они объединили активы, так что дело процветало. И Пруденс оказалась хорошей женой Ною, хотя и была младше его детей. Они прожили душа в душу пятнадцать лет. К сожалению, восемь лет назад Господь призвал к себе Ноя. Рак не щадит никого. Бедняга Ной болел три года, они перепробовали все методы лечения. Пруденс была с ним до последней минуты. Поэтому никто не удивился, что Ной Фезерстоун завещал жене большую часть своего состояния, включая фирму и поместье, а детям оставил только скромный трастовый фонд. Они, конечно, пытались опротестовать завещание, но безуспешно. Никто не видел, чтобы они хоть раз навещали отца с начала болезни.

– И Прю больше не вышла замуж? – любопытствовала Лидия.

– Конечно, нет! – затрясла брылями тетя Элис. – Ной был любовью всей ее жизни. Он ждет ее на Небесах. Теперь миссис Фезерстоун живет в своем поместье, активно занимается благотворительностью, она является одним из важнейших столпов нашей общины.

«Вот еще одна правильная вдова Айлсборо», – с тоской подумала Лидия.

Долгие годы Лидия провела в сплоченном снобистском кругу Нового Ханаана в штате Коннектикут, поэтому отлично знала, как нужно одеваться на благотворительные мероприятия, собирающие сливки провинциального общества.

У нее было кремовое переливчатое платье от Диора пятилетней давности, перехваченное у лифа широким кушаком и спадающее до щиколоток мягкими складками. Серебристые туфли на изящном, но практичном каблуке. Широкая шелковая шаль. Накануне визита в поместье Фезерстоун Лидия посетила салон красоты, где ей закрасили седые пряди, подстригли волосы и уложили в высокую прическу.

Глядя на себя в зеркало перед выходом, Лидия не могла понять – она как-то определенно изменилась, но стала ли она выглядеть моложе или наоборот старше.

Внизу раздался звон электрического звонка.

– Вы выглядите неплохо, – сказал Перегрин О’Тул, стоявший на пороге.

– Неплохо?

– Ну, да. Теперь, во всяком случае, я вижу, что у вас есть грудь. А то за этими бесформенными джемперами было невозможно угадать. Но вы совершенно неправильно накладываете тени. Как будто какая-то старуха.

– А вы специалист по косметике?

– Еще бы! Не забывайте, я столько лет занимался рекламой. Даже самую красивую девчонку можно превратить в уродину, если нанести ей старушечьи тени.

Сам О’Тула выглядел полностью в своем стиле. На нем были черные брюки, желтый пиджак и желтые ботинки. В сочетании с черными набриолиненными волосами все это напоминало расцветку шмеля.

Лидия позвала О’Тула сопроводить ее на благотворительный вечер отчасти потому, что хотела помочь писателю-изгою влиться в местное общество, а отчасти из вредности по отношению к тете Элис. Ну и еще потому, что ей до сих пор неловко было выходить на мероприятия без сопровождения. Но теперь она сомневалась, правильно ли она поступила. Более нелепой пары трудно было представить. Лидия в своем элегантном платье и этот... шмель.

– Вас смущает мой наряд? – проницательно спросил О’Тула. – Милая Лидия, как же мне хочется взять серебряную ложку и разбить эту плотную скорлупу, которая обволокла ваш мозг. Не беспокойтесь, снежная королева. Как только мы зайдем на этот ваш благотворительный шабаш, я немедленно от вас отстану и не буду вас смущать. Если вы найдете кого-то, кто проводит вас домой, сразу же дайте мне знать. Не уверен, что я смогу долго выносить благопристойное веселье вашего дорогого Айлсборо.

2 февраля 1934 года

Дорогой Гленн,

Я стараюсь не унывать. Дни постепенно становятся длиннее, хотя холод и снег не отступают. Как я и боялась, запасы угля и дров стремительно тают, мы с мамой не успели подготовиться к тому, что зима будет настолько морозной. Мне приходится постоянно поддерживать огонь в большом камине, потому что чугунные печки не справляются с обогревом дома. И еще следить, чтобы кухонная плита не погасла, иначе я не смогу вовремя подать маме завтрак и полдник.

Матушка стала очень капризной. Теперь, когда мы большую часть времени проводим с ней вдвоем, она постоянно злится и раздражается. Мне приходится помогать ей ходить из ее комнаты в гостиную, а еще подкладывать разные подушки, чтобы ей было комфортно. Микстура доктора Оливера помогает по-прежнему, но эффекта хватает ненадолго. А еще я видела, как она плачет. Первый раз я даже испугалась. Ты же знаешь, мама никогда не плакала, даже когда умер папочка.

Я знаю, что ты сказал бы – это старость.

Милый Гленн, мне так одиноко. Дни тянутся бесконечно, сейчас мне кажется, что это самая тяжелая зима с тех пор, как ты покинул этот мир, даже тяжелее зимы семна-

дцатого года, когда пришло известие о твоей гибели.

*Когда я пишу эти строки, то сразу вижу твое лицо и за-
прещаю себе отчаиваться. Господь недаром посылает нам
испытания, чтобы мы доказали, что достойны его цар-
ствия.*

*Мистер Боннар по-прежнему не оставляет нас своим
вниманием. Он принес из своей библиотеки несколько книг,
чтобы я могла читать маме вслух, когда мы не слушаем
радио, а еще договорился с мистером Прескоттом, что тот
привезет со своей лесопилки фургон дров из негодной древе-
сины.*

*Я по-прежнему верю, что у всего, что мы делаем, есть
высшее предназначение, даже если замысел нам неведом.*

Глава 6

Задним числом Лидия вспомнила, что еще во времена ее детства Фезерстоуны считались самым богатым семейством на этой стороне залива, но лишь теперь сумела оценить, насколько они были богаты. Или разбогатели еще больше за прошедшие годы. Их земли начинались к югу от Айлсборо, занимали десятки акров ухоженного леса, потом переходили в идеально зеленый луг, не утративший своей изумрудной свежести даже в октябре, а на холме стоял ярко освещенный трехэтажный дом из камня с черепичной крышей и множеством каминных труб, хотя Лидия не сомневалась, что здесь достаточный запас природного газа и электричества, чтобы отапливать эту махину в самую мерзкую погоду.

Первый этаж был спроектирован или, возможно, перестроен так, чтобы проводить приемы. Если всю дорогу Перегрин О'Тул был мрачен и язвителен, предвидя очередные посиделки в тесной гостиной под канале с огурцом, то едва зайдя в дом и увидев официанток в униформе, разносящих шампанское, он немедленно воспрял духом, вручил Лидии бокал и устремился в самую гущу толпы.

Лидия и сама не ожидала ничего подобного. Судя по описанию тетушки Элис, планировался благотворительный вечер для сбора средств на строительство какого-то церковного клуба, на котором могло присутствовать от силы пара

десятков самых ответственных и богобоязненных жителей Айлсборо. Однако на вечеринке в особняке было не менее сотни гостей, они пили, веселились, сбивались в компании. Лидия нащупала в сумочке заранее выписанный чек на десять долларов и почувствовала себя полной дурой.

– Ди? Глазам своим не верю. Ты же Лидия Боннар?

Локоть Лидии сжали цепкие пальцы с острыми ногтями. Она обернулась. Рядом с ней оказалась темноволосая девушка среднего роста. Нет, поправила себя Лидия. Не девушка. На лице, показавшемся ей вначале моложавым, были заметны морщинки и опухшие участки кожи, шея была дрябловатой, ниспадающее платье в виде туники не могло до конца скрыть валик на животе. Но этот дерзкий взгляд темных глаз – он сразу пробудил в Лидии воспоминания.

– Прю?

– Ну, да, понимаю, что ты не сразу меня узнала. Все мы стареем, что поделать. Хотя ты совсем не изменилась, правда-правда. Такая же дылда. Хотя, как я гляжу, научилась шикарно одеваться.

– А я слышала, что ты теперь хозяйка всего этого.

– Ну, да. Благодетельница всей общины, – хихикнула Прю прямо как в детстве. – Твоя тетя Элис что-то бормотала о том, что ты вернулась, но, если честно, я давно уже научилась отключаться, когда она говорит. Значит, это для тебя

она просила приглашение? Ну-ну. Если бы я знала, что ты в наших краях, давно бы заехала. Эх, как я рада тебя видеть. Послушай, дорогая, мне еще надо тут обойти кучу народу, приехали разные городские шишки.

– Чтобы скинуться на церковный клуб?

– Да ты все схватываешь на лету, как всегда, – подмигнула Прю. – Мне нужно тебя оставить, дорогая. Но ты знаешь, что все наши ребята тут?

– Какие ребята?

– Ну, Стивен, Дерек, Ларри. Они где-то здесь. Я видела Стива, а остальные тоже обещали прийти. Думаю, они будут безумно рады тебя видеть.

Лидия первой наткнулась на Дерекка Гаскелла. Тот нес в руках два стакана скотча, к которым прижимал за ножки два бокала шампанского. Они едва не врезались друг в друга.

– Дерек?

– Простите?

– Я Лидия. Лидия Боннар. Прю сказала мне, что вы все тут.

– Ди!

Возникла неловкая пауза.

– Как же я рад тебя видеть. Пойдем со мной, мы там стоим всей старой бандой.

Они отошли в угол за колонну, где ее с восторгом встре-

тили друзья детства. Стив Тремблтон, потерявший большую часть волос на голове, но все также похожий на грустного бездомного пса. Лоуренс Уэллман, превратившийся из мягкотелого женоподобного подростка в поджарого седовласого мужчину. И незнакомая симпатичная женщина со спокойными серыми глазами и квадратным подбородком.

– Моя жена Сандра, – объявил Дерек. – А это моя подруга детства Лидия и первая любовь.

– Он это несерьезно, – забормотала Лидия, но Сандра лишь вежливо улыбнулась.

– Сандра, милая, я нес тебе бокал, но помешал Лидии взять напиток, поэтому отдам его ей. Сейчас схожу тебе за новым.

– Не стоит беспокоиться, – вмешалась Лидия. – Я могу взять бокал с подноса официанта.

– Они разносят теплое, – отмел ее возражения Дерек. – Шампанское надо пить, когда оно налито из бутылки.

И он снова скрылся в толпе. Сандра проводила мужа доброжелательной улыбкой.

– Какими судьбами ты в Рочестере? – спросил Стив. – Я думал, что мы уже никогда не встретимся.

– Кое-что произошло. В прошлом году умер мой муж. Вот я и решила... подумать о том, что делать дальше. Сменить место жительства. На ум пришел только Рочестер.

– Соболезную, – сказал Стивен и замолчал.

– А как дела у Бетти? – спросила Лидия у Ларри.

– Бетти умерла. Пять лет назад.

Вечер старых друзей определенно не складывался.

– Ну, как у вас дела? – спросил Дерек, возвращаясь с бокалами свежего шампанского для себя и Сандры. – Предлагаю выпить за встречу!

– За это надо поблагодарить Прю, – добавил Ларри, пригубив скотча. – В последнее время мы только у нее на вечеринках и встречаемся. А иначе мы бы давно забыли друг о друге.

– Подождите, – удивилась Лидия. – Разве вы не живете в Айлсборо?

– Конечно, нет, – рассмеялся Дерек. – Как и ты. Просто не все настолько решительно разорвали связи. Мы с Сандрой живем в Лондоне и вернемся туда перед Рождеством. Стив живет и работает в Нью-Йорке. А Ларри... эй, где ты сейчас обитаешь?

– В Гонконге. У нашей фабрики там открывается новый филиал. Но когда беру отпуск, всегда отправляюсь в Рочестер. Скучаю по нашей осени. И Бетти очень любила эту пору. Правда, отпуск скоро заканчивается, и мне снова придется возвращаться в чертову влажную жару.

– Дорогой, а давай устроим вечеринку у нас дома? – впервые заговорила Сандра, и Лидия услышала в ее голосе великосветский английский акцент. – Только для вашей банды.

– А что, неплохая идея, – теперь Лидия заметила, что Дерек, хоть так и не избавился от тягучего американско-

го произношения, стал говорить с английской интонацией. – Встретимся через пару дней у нас, пока Ларри не уехал, помянем старые-добрые времена. Кстати, а вот и Прю. Эй, Прю, старушка, подойди к нам.

Пруденс Фезерстоун, которая стала выглядеть еще немного старше за прошедший час, устало приковыляла к компании и выслушала предложение о новой встрече.

– Звучит отлично, Сандра, дорогая, – отозвалась она, растянув губы в привычной улыбке благотворительницы. – Особенно, если не мне нужно будет устраивать эту вечеринку. Господи, а что она тут делает?!

Взоры всей компании обратились туда, куда уставилась Прю. В центре зала стояла молодая женщина, притягивающая всеобщее внимание. На вид ей было за тридцать, может, ближе к сорока, но фигура у нее была ладная и стройная, а высокую грудь обтягивал полосатый джемпер из легкого трикотажа. Лидии показалось, что бюстгалтера под ним не было. Темнокаштановые волосы были зачесаны надо лбом и ниспадали на плечи артистической завивкой. В лице женщины Лидии почудилось что-то хищное, хотя, возможно такое выражение ему придавали полные ярко-красные губы, темные брови, выщипанные в две прямые стрелки и орлиный нос.

– Это Белла Блейк-Чесни, – недовольно пояснила Прю. –

Пришла без приглашения и даже одеться прилично не могла. Посмотрите, на ней же брюки.

Только теперь Лидия обратила внимание, что то, что она вначале приняла за черную юбку, на самом деле было парой бархатных брюк, перехваченных на талии золотым пояском.

Арабелла Блейк-Чесни громко рассмеялась, приоткрыв за слоем красной помады слегка желтоватые зубы. В руке у нее был длинный мундштук, куда женщина вставила сигарету. Кто-то щелкнул зажигалкой. Лидия с удивлением отметила, что этим человеком оказался Перегрин О'Тул.

– С кем она беседует? – прищурилась хозяйка вечера. – Он похож на канарейку.

– Это мистер О'Тул, писатель, – пояснила Лидия. – Он арендовал дом на Эмери-роуд. Я попросила его сопроводить меня на вечер.

– Не очень-то он тебя сопровождает, – хмыкнул Дерек. – Смотри, как он увлеченно болтает с мисс Блейк-Чесни. Кстати, они неплохо смотрятся вместе. Надеюсь, я тебя не обидел, Ди?

– Ничуть. Мистер О'Тул просто знакомый, он может болтать с кем хочет. А они действительно подходят друг другу. Не очень вписываются в местное общество.

– Старый Айлсборо постепенно исчезает, – глубокомысленно заметил Ларри Уэллман. – Это особенно заметно, когда подолгу здесь отсутствуешь. А чем тебе так не угодила эта Белла, Прю?

– Не мне. Просто она... ужасна. Помните Конрада Бленкенсопа и его жену Милли? Впрочем, это не важно. У них был такой хороший брак. Так вот лет пять назад Белла совершенно вскружила голову Кону. Она тогда как раз развелась с мужем, спихнула на него ребенка и искала, в кого бы еще запустить когти. Кон бросил жену и уехал с Беллой в Париж. Милли была совершенно разбита, она отказывалась выходить из дома, хотя мы все, конечно, были на ее стороне. А потом, естественно, Белла выудила из Кона все, что возможно, и бросила его словно сломанную игрушку.

– И жена приняла его обратно? – заинтересовался Стивен.

– Наверное. Они уехали из Айлсборо и даже, по-моему, из округа. Но, естественно, Белле здесь теперь никто не рад. Жены прячут от нее мужей, а холостяки, те, кто поумнее, надежно запирают свои чековые книжки. Даже родной брат Питер ее сторонится. Не удивительно, что она мечтает о том, чтобы продать родительский дом. Ведь это же твой дом, Ди, правда? И ты, получается, снимаешь его у Беллы и Питера.

– Что? – удивился Дерек. – Ты поселилась в нашем старом доме?

– Да, – смущенно ответила Лидия.

– Нам обязательно нужно собраться вместе, – подытожил Дерек. – Видно, нам есть, что рассказать друг другу.

11 февраля 1934 года

Милый Гленн.

Мой дорогой Гленн.

Что же это происходит?

Я несколько раз начинала писать это письмо, но не могла продолжать. Слезы душат меня, перо дрожит.

Но я изложу тебе все, что случилось, хотя наверное ты и сам знаешь.

Доктор Оливер приходил осматривать маму, но на этот раз он был всерьез обеспокоен. Он сказал, что нам нужно вызвать такси и ехать на осмотр в больницу в Рочестер. Матушка пыталась возражать, но доктор был непреклонен. Вдвоем нам все-таки удалось ее уговорить. Фергюс Макманус сам вызвался отвезти нас с мамой, но его машина слишком маленькая, маме было бы там очень неудобно, тем более, что ноги у нее не очень хорошо сгибаются. Тогда я попросила помощи у Стюарта Гаскелла, а тот арендовал настоящий лимузин у своего соседа с таким странным именем – Леопольд Блейк-Чесни. Я совсем не знаю этого Блейка-Чесни, они недавно переехали неизвестно откуда и живут не в Айлсборо, а через шоссе в Хиллсайде. Мне он совсем не понравился, похож на еврея, во всяком случае, точно не на англичанина, и разговаривал он весьма заносчиво, даже приехал не сам, а прислал какого-то своего служащего. Но тот

был довольно любезен и ехал аккуратно, так что мама совсем не жаловалась, когда мы попадали в ледяную колею.

В больнице доктор Оливер обо всем договорился, и нас принял какой-то специалист, я даже не запомнила его имени. Я вообще помню этот визит, как в тумане. Этот врач из больницы был очень строг, он, кажется, даже кричал на меня и на маму, почему мы не приехали раньше. Оказалось, мама уже довольно давно терпела боль, она просто не хотела жаловаться, пока могла выносить. Разве не так должна вести себя кроткая душа?

Но этот доктор был в ярости, он обозвал маму «глупой старухой». У него были ужасные манеры. А потом он сказал, что уже слишком поздно что-либо сделать.

Когда мы вернулись домой, снова пришел доктор Оливер и попытался объяснить все эти жестокие слова, которые говорил человек в больнице, но они отталкивались от меня, словно были сказаны на чужом языке. Я ничего не понимаю.

Что происходит с моей мамой? Когда она поправится? Господь, ниспошли на нас свою благодать.

Глава 7

Если вечером под воздействием шампанского и коктейлей идея встретиться тесной компанией со старыми друзьями детства казалась Лидии привлекательной, то на следующее утро, она первым делом начала придумывать причины вежливо отклонить приглашение Дерека.

«Ведь это же сборище незнакомцев, мы не виделись тридцать лет. О чем нам разговаривать? Вспоминать веселые деньки, когда мы дурачились на озере? Но ведь после этого прошла целая жизнь. Прю теперь хозяйка поместья, столп местного общества. Наверняка она будет рассказывать истории про соседей, которых я знать не знаю. Бедняжка Прю. Она подкалывает тетю Элис, а на самом деле все больше становится похожей на нее и на остальных кумушек Айлсборо. Еще лет десять, и Прю сама начнет сурово поджимать губы и обличать безнравственную молодежь».

«Стив все время молчит, словно наблюдает за всеми», – продолжала рассуждать Лидия. – «Из него за весь вечер двух слов не вытянешь. Интересно, что он скрывает за своим молчанием? Не помню, чтобы в детстве Стив отличался каким-то особыми талантами. Он живет и работает в Нью-Йорке. Вдруг он какой-то унылый клерк в конторе, коротающий дни в ожидании пенсии, и ему просто нечего сказать».

«А я сама?» – вдруг одернула себя Лидия. – «Это я же бы-

ла самой блестящей и талантливой в нашей компании. Дерек был слишком ленив, Стив невзрачен, Ларри только и мечтал, как женится на Бетти и унаследует обувную фабрику отца. И что со мной стало? Ведь это я постоянно разглагольствовала о том, как поступлю в колледж, стану журналисткой, может даже владелицей собственной газеты и докажу всем, что и девчонка может чего-то добиться. И кто я теперь – одинокая, никому не нужная вдова, за плечами которой нет ничего, чем гордиться, ни карьеры, ни достижений. И ведь ради всего этого я рассталась с Дерекком».

Выпив кофе, Лидия пошла прогуляться по берегу. Она была вынуждена признать, что ее взволновала встреча с Дерекком Гаскеллом. Он же был ее первой любовью. Нет, не любовью, поправила себя женщина, но определенная влюбленность все же присутствовала. Дерек был достаточно умным, но не слишком усидчивым и ко всему относился легко. К амбициозным планам Лидии он относился со снисходительным терпением.

«Ди, старушка, зачем тебе еще учиться?» – спрашивал Дерек в их последнее лето перед ее отъездом. – «Ты же не хочешь превратиться в синий чулок?».

Конечно, в те годы в пуританской общине и речи быть не могло о какой-то сексуальной близости между ними. Но Дерек и Лидия пару раз устраивали настоящие свидания и даже целовались. При воспоминании об этом у Лидии приятно екнуло в животе. Первый поцелуй – это все-таки первый

поцелуй, пусть Дерек так и не стал главным мужчиной в ее жизни.

Для этих целей в Айлсборо, как и во всяком маленьком городке, было особое место – куда парочки направлялись провести время после заката. Здесь его называли Уиллоуден⁵. Это была небольшая полянка, спрятавшаяся в глубине леса, окруженная густыми зарослями ивняка и ручьем, образовывавшим с одной стороны поляны противную вязкую топь. Найти поляну случайно было не так-то просто, нужно было знать секретный проход мимо топи через кусты, совершенно не видимый с основной тропы. А в одном месте несколько старых ив срослись настолько плотно, что образовали естественную непроницаемую «беседку». Пробравшись туда, можно было расстелить под деревьями плед, открыть бутылку сидра и наслаждаться уединением.

Лидии стало интересно, существует ли Уиллоуден и сегодня. Ивы и плотные кустарники давно могли срубить, чтобы расчистить поляну для каких-нибудь семейных пикников. К тому же современные молодые люди предпочитали отправляться на свидание в автомобилях и наверняка выбирали совсем другие местечки подальше от города – на пустырях и живописных озерных утесах.

Погруженная в воспоминания, она пошла привычной тропой, потом свернула в едва видимый проход через кустарник и оказалась на поляне. Как ни странно, за прошедшие годы

⁵ Willow den (англ.) – ивовая пещера.

тут почти ничего не изменилось, может, заросли приобрели иную форму, но это было вполне естественно, если ими никто не занимался: какие-то ветки пригибались к земле за зиму, сплетаясь в густой слой сухостоя, но весной из них вырастали новые, добавляя плотности ивовой пещере.

Лидия обошла крошечную полянку, с удовольствием заметив след от недавнего кострища. Видимо, молодежь Айлсборо и вообще этой части залива все еще развлекается старым-добрым способом.

Словно в подтверждение ее мыслей Лидия услышала какой-то шум в зарослях. Она удивилась, поскольку не думала застать в этих местах кого-то с утра. По идее, подростки сейчас должны быть в школе. Лидия решила, что стоит поскорее убраться подальше с полянки, чтобы не спугнуть влюбленных, когда неожиданно заметила, что сквозь плотные заросли ивняка, уже частично потерявшего листья, мелькнуло что-то канареечно-желтое.

Ветви зашевелились, и из них показалась взлохмаченная голова Перегринна О'Тула.

– Вот так сюрприз, Лидия, – обворожительно улыбнулся он. – Вылезай, дорогая, это свои.

Вслед за Перегрином из кустов довольно изящно в данных обстоятельствах вылезла Арабелла Блейк-Чесни. В ее темных кудрях застряли мелкие ветки и листочки ивы, бархат-

ные брюки помялись. Девушка куталась в мужскую кожаную куртку, которую, как подумала Лидия, она одолжила у брата. Ничуть не смущаясь, Белла села прямо на траву и стала надевать туфли на высокой платформе.

– Надеюсь, мы вас не очень шокировали, – спросил Перегрин, отряхивая пиджак и осматривая брюки.

– Нет, но... откуда вы знаете про это место?

– Белла мне решила мне его показать, – махнул писатель в сторону партнерши. – У нас возникло взаимное желание потрахаться. Извините, если вас шокировал, но я привык называть вещи своими именами. В машине неудобно, учитывая, что Белла не самая компактная девушка. У меня дома под боком с этими мегерами – нет уж, увольте. А Белла остановилась на ночь в какой-то ужасной гостинице, где регистраторша внимательно следит за одинокими женщинами. Да, да, мы могли бы поехать туда, где рады наличным и не спрашивают документов, но... вы же были на этом вечере, дорогая Лидия. Такая тоска. Нам захотелось чего-то дикого и романтического. Так что Белла удачно вспомнила про это местечко. Мы утащили у нашей доброй хозяйки бутылку шипучки. Не самого лучшего, на мой взгляд, но выбирать не пришлось. У нее весь вечер подавали это пойло из Калифорнии. Такое может обмануть только провинциалов в Рочестере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.